

*"Их совсем не осталось, но они
продолжают причинять нам боль..."*

ТЫ НИКОГДА НЕ УЗНАЕШЬ КАКОЙ ОН НА ВКУС... ПОКА НЕ
ПОПРОБУЕШЬ....

ИНОЙ ПОЛ

КСЕНИЯ СМИРНОВА

18+

Ксения Смирнова

Иной пол

«Автор»

2018

Смирнова К. А.

Иной пол / К. А. Смирнова — «Автор», 2018

2234 год. Планета потеряла 90% мужской нации. Женщины правят миром. Мужчины классифицируются не иначе, как Иной пол. Их выставляют на торги, перепродают на черном рынке и разыгрывают в лотереи. В это время, в лесах Российской Конфедерации, ловят совершенного дикаря. Гонимый тайной миссией, Иной невольно ввязывается в политические междоусобицы женского общества, рушит систему контроля над Иными, и завязывает сложные сексуально-психологические отношения с главной героиней романа...

© Смирнова К. А., 2018

© Автор, 2018

2234г.

Отделение дознания компании «ЭКОНТЕР». Бывшая Московская область, «Зона-Н».

Кабинет выездного психолога. Четвертый этаж длинного стоэтажного здания. 10.21 утра, по федеральному времени.

– Есть ли у вас связь с кем-нибудь из «Зоны-Н» или других близлежащих городов?

Коротко стриженная женщина, облаченная в тугий обтягивающий костюм темно-синего цвета, неслышно била по мраморному полу ногой в такт часам и старалась сохранять спокойствие. Ресницы на ее глазах были покрыты тонким слоем белой пудры, новое лекарство против спазма аккомодации или попросту, зрительного переутомления. Из-за этого недуга Ангелина с детства была немного близорука.

– Связь, какого рода вас интересует? – медленно донеслось в ответ.

Мужской голос был так спокоен, будто бы его только что напоили чашечкой теплого чая с мятой, а не предварительно избили.

– Связь любого рода, – она сделала паузу. – Общение, общие интересы... Интимная связь. Женский голос слегка дрогнул. Мужчина сразу отметил это.

– Возможно, – медленно протянул он и улыбнулся краешком губ.

Зловещая тишина сверкающе-мраморного кабинета звучно отбрасывала эхо только что произнесенных слов. После короткой фразы, произнесенной заключенным, женщина поняла, что ее респондент не скажет ни слова. Это стало ясно и без проведения дополнительного тестирования. Психология таких индивидуумов – была темой ее дипломной работы. Ангелина неплохо разбиралась в мужчинах, как бы странно это не было, учитывая в каком состоянии находился мир последние столетия.

– Конкретнее, пожалуйста, – нахмурилась дознаватель, сделав еще одну бессмысленную попытку, – Мне нужно имя, местоположение, адрес этой женщины. Или нескольких женщин, – добавила она, немного подумав.

– Вы считаете, что я настолько хорош? – усмехнулся голос.

– Я ничего не считаю, – отрезали в ответ.

– Вы нервничаете, – мужской голос стал мягче. Он словно убаюкивал женщину, окутывая ее податливостью гласных и дрожащими приглушенными окончаниями, – Может быть, мне сделать вам массаж? – донеслось до нее вполне отчетливо. И, кажется, это был не вопрос.

– У вас есть медицинское образование? – холодно поинтересовалась она, игнорируя собственные инстинкты.

– Для того, чтобы доставлять удовольствие, мне не нужен диплом.

Ответ *Иного* еще раз заставил женщину почувствовать себя бесконечно уставшей от этого тяжелого и напряженного дня. Ангелина устало протерла глаза, и что-то начеркав на желтом листке бумаги, бегло взглянула в окно. Там был свет. Ничего общего с ее паршивым настроением. Опять эта работа. Опять эта чертова работа. Уже битый час перед ней сидел невысокий коренастый мужчина, лет тридцати пяти, с небритой трехдневной щетиной и заросшими, как у медведя гризли, волосами. Он вальяжно раскинулся на мягком кожаном кресле и усиленно делал вид, что ему наплевать на все происходящее.

– Ваше имя, – менторским тоном спросила Ангелина и приподняла одну бровь, в ожидании ответа. Она старалась не смотреть ему в глаза. Она и хотела, и не хотела этого одновременно. Годы проведенные в институте создали из нее пуленепробиваемый танк, который не способна была пробить даже атомная атака. Ангелина была лучшей студенткой на курсе и прекрасно помнила, чему их учили на кафедре «эмоциональной животноводологии». Главное правило всех принимающих респондентов – игнорировать и пресекать визуальные и тактильные контакты с представителем иного пола. Иной пол. *Иной...*

– Вы будете отвечать? – звонкий мелодичный голос Ангелины снова раздробил тишину бледных стен помещения, – Что вы делали в «Зоне-Н»?

– А как же право на адвоката? – усмехнулся Иной и поднял на девушку серо-коричневый взгляд, цвета горелого пережаренного кофе.

Это был европеец, хотя возможно в его генах, будто редкий коктейль, смешались гены Ближнего Кавказа, давно покоившегося под толщей североатлантического льда. Ага, значит горец. И строит из себя такового.

– У вас нет права на адвоката, и вы это знаете... – мрачно ответила Ангелина, вытянувшись на своем прямом и жестком стуле, словно металлическая арматура, – Согласно законам Российской Федерации на основании статьи 1673 пункта «В», нарушив территории свободную от представителей *Иного пола*, вы автоматически лишаетесь права на адвоката, а так же на любого другого представителя официальных структур уполномоченного прийти вам на помощь.

– А как же эти ваши хваленые защитники-активисты? – без всякой надежды в голосе, спросил Иной.

В его пронзительных глазах плясали озорные черты, побуждая Ангелину воинственно вздыхать и морщиться. Демонстративное неуважение пленника раздражало и пугало ее. Кто он такой, чтобы так себя вести? Но вместо того, чтобы высказать свои мысли вслух, Ангелина вопросительно взглянула на мужчину.

– Понято, – удрученно кивнул, словно ничего хорошего от этой беседы уже не ждал.

– Ваши защитники еще дадут о себе знать, – пожалла плечами женщина, – Успокойтесь. Пока вы здесь, ваша жизнь принадлежит «Эконтеру».

– О да... – весело усмехнулся Иной и закинув руки за голову, начал медленно раскачиваться на своем кресле, – Но психолога мне почему-то предоставили... Думаете, я чувствую себя... подавленно?

Он бросил на нее заинтересованный взгляд.

– Это издержки, – резко перебила его Ангелина, – Акт животнoлюбия, если хотите. Я настоятельно рекомендую вам отвечать на мои несложные вопросы. Иначе мне придется отправить вас на принудительное дознание. А в этом, поверьте, нет ничего приятного.

– Что, будете меня пытаться? – с интересом осведомился он.

Иной явно продолжал веселиться. Вот придурок. Натуральный придурок. Самый мерзкий из всех представителей своего пола.

– Не исключено, – участливо кивнула Ангелина и выдавила из себя вежливую улыбку.

Она на секунду представила, с каким удовольствием некоторые ее коллеги прибегут к нейроновым шокерам или заколют его транквилизаторами, способными развязать язык даже немому.

– Я еще раз повторяю свой вопрос, назовите ваше имя? Может, скажете, наконец?

Прошло несколько минут, прежде чем Иной решил почтить ее своим вниманием и ответить.

– Александр, – почти нежно произнес он и подмигнул ей.

Ангелина презрительно хмыкнула в ответ и внесла в блокнот необходимые метки.

– Как вы родились? – машинально спросила она, рисуя на обратной стороне бумаги маленького человечка, стоящего на краю мифического обрыва. Ей тут же захотелось нарисовать рядом большой ботинок, отправляющий его одним пинком в нарисованную пропасть. Как чудесно, если бы все проблемы в этом мире решались именно так.

– Точно так же, как и ты, моя милая... – услышала она раздраженный грубоватый тембр и машинально подняла некрашенные глаза, чтобы еще раз посмотреть этому хаму в лицо. Как она и предполагала, мужчина выглядел недовольным. Его торс закрепили удерживающей хромированной лентой, это мешало ему свободно дышать.

– Это единственное право, которое за нами закреплено природой, – добавил он, выплевывая ей в лицо каждое слово.

– Вы забыли о природе, выбирая для себя мужеложенье и тиранию, – не сдержалась она.

– Давайте не будем говорить о тех, кому просто не оставалось ничего другого, – презрительно заявил он, – Ваша эмансипации и феминизм, эти ваши права и обязанности, этот ваш прогресс и развитие. Вам нравится ваш прогресс, дамочка? Когда в последний раз вы спали с кем-нибудь, кроме себе подобной?

– Да неужели? – развеселилась Ангелина.

К ее горлу начал подступать тошнотворный комок. Так всегда бывало, когда она начала злиться. – Давайте не будем копаться в мировой истории и в моей постели, учитывая, что вас это касается в последнюю очередь, – она выдохнула, – Вы, Александр, незапланированная животная случайность, не отмеченная в пунктах рождаемости и не имеющая паспортного номера. Вы нигде не зарегистрированы, у вас нет карты медицинского и социального обслуживания, вы не имеете ни прав, ни возможностей для проживания на территории нашей Конфедерации. Впрочем, как и на других отдаленных мировых территориях. Вы – продукт отторжения. Несанкционированный. Поэтому я еще раз задаю вам свой вопрос, и поверьте, моему терпению можно позавидовать, как вы родились?

– А вот оно что... – усмехнувшись, протянул Иной.

В его глазах она увидела горькую злобу, заключенную в яркий ореол сощуренных соколиных глаз, – Значит, по вашему мнению, я – продукт отторжения? Да еще и несанкционированный? А может быть этот продукт отторжения сейчас встанет этого теплого государственного кресла, поднимет вашу длинную государственную юбочку и как следует вас оттрахает?

Пульс Ангелины резко участился. Она почти слышала биение своего ускоряющего моторы сердца. Гнев снова переполнил ее голову, а дыхание сбилось. Снова гормоны... Надо успокоится.

– Что, почувствовала, нечто особенное? Может быть, ответишь мне взаимностью? В конце концов другой такой возможности я могу тебе не предоставить, – продолжал он глумиться.

Ангелина, не глядя на объект своей ненависти, быстро открыла ящик стола и достала пачку гормональных капсул компании «Женофарм».

– О нет, не надо глотать таблеточки, – скривился он, – Ты же врач, должна понимать, что это противоречит всем твоим природным инстинктам. Давай ты отвернешь свою чертову камеру в другую сторону, и пока нас никто не видит, я отымею тебя прямо здесь. И тебе совсем не обязательно будет участвовать в этой вашей дебильной лотерее. А? – не унимался он.

– Кто ваша мать? – задала Ангелина очередной бессмысленный вопрос и сделала соответствующие пометки в компьютере.

Напротив обозначенного черным шрифтом вопроса, она поставила два значка – по 0% каждый. Это означало полное фиаско. Она знала, что он не ответит. Спасительная таблетка все еще лежала в ее мокрой ладони. Первая капля пота незаметно проложила дорожку от ее виска к ложбинке едва заметной и перетянутой жгутами линии груди, выглядывающей из жесткой хлопковой блузы грязно-бежевого цвета. Она могла быстро утихомирить свой гнев и привести в порядок беснующееся сердце. Надо было просто запихать таблетку в рот и сделать глоток воды. Но как это сделать, если мужчина напротив, внимательно следит за каждым ее движением. Он ясно видел, что она хочет сделать, как жаждет этой наркотической государственной таблетки, способной будто по мановению волшебной палочки решить все ее психологические и физические проблемы.

– Не испытывайте мое терпение, – услышала она свой голос.

Он был жесткий и низкий, будто она сорвала его на каком-нибудь матче, выкрикивая лозунги в поддержку любимой спортивной команды. Это было бы почти правдой, но она всей душой не любила спорт.

– Кто ваша мать? Отвечайте на вопрос.

Последовала долгая томительная пауза.

– Такая же сучка, как и ты... – наконец ответил он и отвернулся.

Ангелина молниеносно распахнула на него свои темно-серые глаза. Гнев быстро ушел. Она снова взяла себя в руки. Это просто работа. В нем нет ничего особенного. Ничего такого, за что бы она могла зацепиться. Он обычное животное, сродни тем, кого сюда доставляют время от времени. Животное, не способное к проживанию в цивилизованном социуме, так долго и мучительно воссоздававшимся ее родом. Женским родом.

– Кто вас вырастил? Вас нет ни в одной базе данных.

Еще один вопрос на автомате.

– Тебе полегчало, милая? – заботливо поинтересовался пленник.

Он будто фильтровал все то, что она говорила. Намеренно не замечал вопросов, благодаря которым она могла бы хоть что-то записать в его личное дело и отчитаться перед начальством. Он делал это специально, чтобы позлить ее и расшатать ту святую систему, которую она чтит больше всего на свете – систему государственного превосходства над такими как он. Ангелина сжала губы в тонкую полоску и решила, что с нее хватит. Тем временем, огоньки в его смешливых глазах снова заблестели недобрым блеском.

– Кто учил вас русско-европейской грамоте? – задала она следующий вопрос, игнорируя свои эмоции.

– А кто учил тебя? Ах да, прости, – буркнул он, – Конечно же, это ваше замшелое бабское государство.

Мужчина кивнул головой, как бы подтверждая истинность своих слов, и отвернулся в сторону приоткрытого окна. Солнце поднялось еще выше. Неброскую комнату озарил яркий дневной свет. Его радужные блики, как маленькие балерины, плясали на бледном уставшем лице пойманного респондента. Ангелина знала, что *Иной* не ел несколько дней. Он не спал, долго бежал от своих преследователей, за ним гналась стая хорошо натренированных псов. А еще несколько километров, по колючим кустам и бездорожью, обессиленного мужчину гнал вертолет вневедомственной пограничной охраны. Пытаясь сорвать с себя жесткие проволочные сети, брошенные его преследователями и парализовавшие его, он поранил себе руку и долго дергался в конвульсиях, прежде чем его силой затащили в бронированный грузовик. За время недолгой беседы, Ангелина успела внимательно рассмотреть его нестандартный профиль с правильными чертами лица, ровный нос и широкие брови. Если бы не глубокая посадка глаз, как у неандертальца и очень острые, почти выпирающие скулы, в лице Иного можно было разглядеть нечто добросердечное. Правда, длинный шрам тянувшийся от уголка рта к правому уху полностью рушил эту сладкую сентиментальную картину. Ангелина не была лишена чувства сострадания, и в другой ситуации ее вполне мог бы сразить приступ острой жалости. Но мужчина не давал ей поводов для снисхождения. Иной смотрел на нее прямо, с неприкрытым осаждающим омерзением.

Ангелина знала эти взгляды.

Помнила их каждый день и каждую ночь, ложась спать в свою большую и мягкую постель. Эти взгляды как бы говорили ей: «Эй, ты, женщина. Я ненавижу тебя. Ненавижу весь твой род и все твоё племя. За то, что я, царь зверей, заперт в построенной тобой клетке, ем твоё сырое мясо и подаю голос, только тогда, когда ты мне это позволяешь».

Прошло еще сорок четыре секунды.

– Отлично, – широко улыбнулась Ангелина и громко хлопнула крышкой флеш-бука, – Раз так, значит, нам не о чем больше разговаривать, господин Александр.

– Ну что вы, сколько деланного снисхождения в вашем голосе, – широко улыбнулся Иной. У него была красивая и обезоруживающая улыбка. Зубы хорошие. Ровные. Восемь резцов, четыре конусовидных клыка. Нервные аппараты, кровеносные и лимфатические сосуды скорее всего в норме, зубная эмаль, дентин, зубной цемент – все, как у правильно сконструированных генетических особей. Сразу было понятно, что кто-то оказывал ему систематическую медицинскую помощь. В обычных условиях, ни один мужчина не смог бы поддерживать свою ротовую полость в таком идеальном состоянии. Хороший экземпляр. В нем чувствовалась порода. На черном рынке такой персонаж стоит кучу денег и его наверняка оставили бы для какой-нибудь влиятельной женщины, склонной к подчинению, а так же способной заплатить за него.

Ангелина на секунду времени представила, что такое... иметь мужчину... Иметь его каждый день и каждую ночь. Проводить с ним время, целовать его... мыть его... одевать... выгуливать. Кормить завтраками и ужинать вместе. Иметь возможность вдыхать его запах, чувствовать его пульс... Гладить его одежду, плести ему косы, читать на ночь. И играть. Каждый день играть в то, что ты для него единственная, а он принадлежит только в тебя. Иных осталось так мало на Земле, но даже сейчас они умудряются доставлять женщинам бесконечные проблемы. Из-за них дерутся, убивают, ими торгуют, на них делают ставки и весь этот чертов женский мир так или иначе вертится вокруг их бессмысленного мужского благополучия.

Мысли о самом грешном и таком противоестественном, бросили Ангелину в жар. Тело предательски напряглось, пульс снова участился, во рту стало сухо. Она не выдержала и отвернувшись, чтобы он не видел, запихала горькую и почти растаявшую в ладони гормональную таблетку в рот. Язык сразу обожгло и в горле неприятно запершило. Ангелина не торопясь налила в стакан холодной воды и сделала несколько глубоких глотков. Стало значительно легче.

– Приятного аппетита, – сказал Иной без энтузиазма и облизал пересохшие потрескавшиеся губы. Ангелина проследила за его взглядом. Он откровенно пялился на ее грудь.

Ей стало неудобно. У нее была неоправданно большая грудь. В переходном возрасте, как только молочные железы стали расти, Ангелина начала перетягивать их специальными резиновыми жгутами. Иметь грудь было немодно. Это аномалия встречалась очень редко, и ее второй размер считался уродством. Еще с юности девушке внушали, что нужно обязательно сделать операцию по уменьшению молочных желез. Младенцев редко кормили грудью, просто потому что у женщин не часто появлялось молоко. Грудь не была нужна никому. Она только мешала женщинам заниматься спортом или тяжелым физическим трудом. Ангелина не знала ни одну женщину с такой грудью, как у нее. Она комплексовала и мучилась от этой неизбежности. В голове девушки давно зрел план избавления, но было слишком стыдно решиться на такой шаг. Она боялась, что если кто-нибудь узнает об этом – коллеги будут считать Ангелину неполноценной. Это наверняка скажется на ее карьере, которую она с таким усердием, кирпичик по кирпичику, выстраивала, будто большой и давно исчезнувший Колизей.

И все-таки он заметил...

Заметил, что ее грудь значительно больше, чем у остальных женщин. Сначала девушка прочтала в его глазах удивление, затем одобрение, а уже потом... что-то похожее на похоть. Как можно быть таким животным? Нет, он и правда, животное. Ему не давали пить вот уже несколько часов, а вместо того, чтобы вымолить у нее глоток свежей воды, он демонстрирует ей свое гнусное и низменное желание. Ангелина на секунду представила себе, что бы случилось, если бы не эта удерживающая лента и пять пар глаз, наблюдающих за ее работой в аппарат видео-регистрации. Скорее всего, Иной набросился бы на нее и грубо овладел ею. Девушка покраснела от собственных мыслей и невольно вскинула глаза к потолку. За ней неотрывно следила маленькая красная точка. Не знающий человек запросто перепутал бы ее с лазером, но только не сотрудники «Эконтер».

– Вас отведут на дознание, – сжав губы, процедила женщина, – Там вы сразу определите для себя, что есть правда, и настолько тесно она взаимосвязана с болью, – добавила она, не удержавшись от колкости.

– Из ваших нежных уст, это звучит как неприличное предложение.

Пленник продолжал усмехаться, будто до сих пор пребывал в переходном возрасте и был подвластен гормональным всплескам, неумению контролировать собственные слова и реакции. Эта бесконтрольность раздражала Ангелину.

– Вам послышалось, – ледяным тоном ответила она.

– Может, поужинаем как-нибудь? – не унимался он.

Даже на расстоянии она чувствовала густой и застрявший в воздухе запах его давно не мытого тела. Грязный запах. Туалет, еда, костровой дым и что-то еще... Собачья слюна, наверняка. Все это смешалось с ароматом мокрой и высохшей на нем одежды. Надо будет провести дезинфекцию помещения после этого сеанса. Ангелина лично протрет стул, на котором он сидел, а лучше вообще поменяет его. Выпишет на складе какой-нибудь тяжелый и жесткий, для таких, как этот зверь. И почему она не послушала свою начальницу, когда та утверждала, что не стоит баловать этих животных. Ангелина долго спорила с ней и утверждала, что мягкое кресло в психологическом смысле, поможет *Иным* расслабиться, почувствовать себя в безопасности, а значит развяжет им язык. Ничего подобного. И даже здесь, тотальное фиаско.

– Так что с ужином? – вернул ее к реальности грубый тембр.

Она посмотрела на мужчину. На долю секунды их глаза переплелись в клубок совершающих совокупление змей. Александр лениво улыбался ей, прекрасно считывая весь подтекст этих недвусмысленных взглядов.

– Вы же не отвечаете на мои вопросы, почему я должна отвечать на ваши? – заметила она и улыбнулась ему такой же ехидной улыбкой.

Правда потом быстро спохватилась и приняла свой обычный серьезный облик. За проявление излишней эмоциональности ей могут сделать выговор.

– Ну а если бы вы не были претенциозной канцелярской мышью, как вы думаете, чисто гипотетически... мог бы такой парень как я и такая девушка как вы встретиться вместе рассвет?

– Нет, – резко отрезала девушка и поднялась со своего места.

На этот стоп.

– Вас трахает ваша работа? – сразу донеслось в ответ. И судя по интонации, это было утверждение. Иной облокотился на согнутые в коленях ноги и внимательно проследил за ее реакцией. Ангелина невольно закусила нижнюю губу и медленно, будто это доставляло ей физическое удовольствие, нажала на желтую кнопку технического пульта. Раздался громкий гудок. Женщина улыбнулась и с торжеством победителя, надменно уставилась на связанного заключенного. Тот продолжал равнодушно ухмыляться, хотя она понимала – это лишь ненужная бравада, конвульсии павшего дикого зверя после чьей-то удачной охоты. Ее охоты. Она часто видела надменные хамоватые лица пойманных дикарей, и степень этого хамства зависела от их личностного воспитания, осуществленного кем-то извне.

Тем временем, дверь в помещение бесшумно отъехала в сторону и в светлый кабинет вошли несколько женщин. На них была классическая темно-синяя форма, юбки до колен, белый верх обтягивающих классических блузок и пиджаки. Лица были слегка припудрены, на губах блестел едва заметный блеск. Женщины были красивы, коротко стрижены и походили друг на друга, будто однояйцевые близнецы.

– Забрать? – спросила одна из них без особого интереса.

Ее выражение лица напоминало застывший гипсовый слепок, такой же мертвецки-бледный и безжизненный. Зрачки были неестественно и по-рыбы расширены. Ангелина знала, что их пичкают гормонами «Женофарм». Дозировка «4-Н стадия» – самая мощная разновидность гормонов, притупляющая и уничтожающая все женское. Те, кто подсел на такие таблетки,

больше походили на живых роботов и только действующие социальные навыки оставляли в них что-то человеческое. Женщины осуществляли свою работу машинально, не испытывая никакого эмоционального перегруза. Их поведение было похоже на недавно положенный асфальт, такой же ровный, гладкий и очень твердый. Ангелина помнила свою бывшую девушку, которой прописали третью категорию «Женофарма». В день ее рождения, Ангелина принесла ей фирменную само сохнущую электронную сумку от «Эпл», она потратила на нее месячную зарплату. Реакции ее пассии на подарок были крайне однотипны, впрочем, как и все остальные реакции в этот день:

«Милая, вот твой подарок.

О, спасибо, ты супер.

Милая, посмотри, мамы пустили в твою честь воздушную искристую ленту по всему району.

О, спасибо, это супер.

Милая, я тебя очень люблю.

О, супер, я тоже».

Ангелина улыбнулась и кивнула женщинам-роботам. Это означало: «все в порядке, забирайте этого отщепенца».

– Мобил-ком оставишь? – ослепительно улыбнулся несанкционированный продукт отторжения. При этом глаза его оставались холодными и злыми.

– У вас будет масса времени для того, чтобы подумать о своем поведении, – проигнорировала она его вопрос, – И у вас не будет ни минуты на телефонные разговоры, – мягко добавила Ангелина, торопливыми движениями укладывая черный флеш-бук в папку и собирая все необходимые бумаги для дальнейшего следствия.

Женщины тем временем, отстегнули удерживающий жгут и вежливо предложили Александру пройти с ними. В их руках сверкали готовые к любой атаке нейроновые лазерные шокеры, главный элемент женской вежливости текущего века.

– Дамы, только после вас, – услужливо проговорил Иной, с трудом поднимаясь на ноги.

Ангелина невольно восхитилась его идеальными пропорциями. Не похоже, чтобы он все это время где-то отсиживался. Спортивная крепкая фигура, широкие плечи. Мужчина был похож на пловца. Возможно, жил рядом с морем или крупными водоемами. В нем было столько силы, что впору отправить его на строительные работы. Надо будет обязательно обсудить это с руководством. Ангелина не позволит, чтобы этому дикарю комфортно жилось в их четко отформатированном обществе. Он не создан для цивилизации. Зверь. Настоящий зверь. Таких, как он – надо лишать права выбора. Она знает что делать. Она напишет ему такую характеристику, что его отошлют в Антарктиду или на ремонтные работы в полуразрушенную войнами и катаклизмами Америку. На весь срок его никчемной жизни. Там ему и место.

Мужчина протер рукой затекшую шею и потянулся, словно мартовский кот, которого только что оторвали от послеобеденного сна. Датчик движения слегка сполз и оставил на теле широкий красный след. Точка лазера неотрывно перемещалась от его виска к зоне сердца.

– Да знаю, знаю, – отмахнулся он раздраженно, будто пытаясь сбросить с себя назойливую красную муху, – Сегодня я не планирую побег, расслабьтесь.

– Это невозможно, – с торжествующей улыбкой заметила Ангелина, выходя из-за стола и направляясь к выходу вместе с задержанным.

Поравнявшись с ним, психолог на секунду остановилась. Задержанный развернулся и подошел к Ангелине непросительно близко. Боль на его шее усилилась. Он невольно поморщился и отступил.

– Я желаю вам приятного времяпровождения на территории Российской Конфедерации, свободной от *Иного* пола. После дознания, состоится федеральный суд и присяжные определят степень вашей вины. После оглашения приговора вас отправят на принудительные работы

или, если вам повезет, в «Зону-Н», где до конца своих дней вы будете оплодотворять женщин. Там вы и закончите свою бесславную жизнь.

– О, именно об этом я всегда фантазировал, – хмыкнул Иной и слегка поклонившись, неторопливо шагнул в распахнутую дверь кабинета, – Последний вопрос можно? – обернулся он на секунду. Ангелина выжидающе и холодно уставилась на него.

Опять пауза.

– Вы верите в Бога? – раздалось в спокойной тишине.

Ангелина ничего не ответила. Она даже не пропустила этот вопрос в свою черепную коробку. Он так и застрял где-то в воздухе, оставшись непонятым и непрочувствованным. Женщина не уловила ни его смысл – ни содержание.

– Я так и думал, – мрачно кивнул мужчина и тут же скрылся в дверном проеме.

Женщины, сопровождающие Иного, бесшумно проследовали вслед за ним. Девушка проводила проблемного респондента взглядом, затем на секунду замешкалась с электронным замком, пытаясь закрыть дверь своего кабинета.

Беспомощно ковыряясь пластиковой картой в электронном блоке, она думала о том, из чего ей составлять свой первый принимающий отчет. На основании каких фактов делать выводы и как донести до начальства, что она не зря зарабатывает свои деньги. А главное, сидит в своем личном кабинете – единственном оазисе мрачной государственной коробки. Не хватало еще, чтобы она лишилась этой скромной и пожалуй, единственной привилегии.

Женщина огляделась. Здесь повсюду цветы в горшках, стоящие на окнах, которые она предусмотрительно прикрыла желтой выцветшей занавеской. И электронные файлы каких-то старых, давно перечитанных книжек о двуполых межличностных взаимоотношениях, которых уже давно не существовало в современном женском обществе. Не смотря на рассеянность собственных мыслей, память настойчиво возвращала ее к Александру. Ангелина не переживала, что в какой-то момент не сдержится и врежет Иному по его наглой заросшей физиономии. Она успела принять «Женофарм» и теперь ее эмоции были под контролем. Единственное, что омрачало ее настроение, так это листы. Пустые листы в папке и голые файлы на флеш-буке. Борьба за отчет на тему социальной адаптации Иного пола в условиях «бла-ба-бла», находился под угрозой тотального исчезновения. Точно также, когда на ее планете совершенно случайно исчезли пчелы, бродячие собаки, крысы, и много позже – мужчины...

26 сентября 2234г. 8.30. Район станции метро «Жилой комплекс КД4»

– Ты ужинала?

Лиза стояла возле плиты и жарила яичницу. Ангелина устало вздохнула и пробормотав что-то невнятное, проследовала в ванную комнату. Здесь царил настоящий бардак.

– Понятно, значит не ужинала, – сделала вывод Лиза и ловко перевернула слегка подгоревший желток на сковородке.

– Почему ты не можешь жить согласно порядку? – прокричала Ангелина раздраженно, впопыхах собирая разбросанные в ванной комнате мокрые полотенца и колпачки от гелей для душа. – Почему мне приходится постоянно убирать за тобой?

– Может быть потому, что ты меня любишь? – услышала она в ответ и повернула голову.

Лиза стояла в дверном проеме и улыбалась той очаровательной улыбкой, от которой у Ангелины всегда перехватывало дух. Именно так она улыбалась ей при первом знакомстве, много лет назад, на лекции «Законов и примечаний нового УК Конфедерации». Темные волосы девушки были собраны в нелепый хвост, глаза блестели голубым блеском, руки сложены в цепкий замочек. На ней была обтягивающая белая майка, зазывно демонстрирующая торчащие темные соски. Это, пожалуй все, из чего состояла ее маленькая грудь. Настоящий эталон красоты. Не понятно, что она нашла в Ангелине? У нее могла быть любая партнерша,

какую бы Лиза только пожелала. Но она выбрала Ангелину и ждала ее дома каждый день, вот уже несколько лет подряд. И почти всегда Ангелина ела на ужин яичницу. Или омлет. Или яйца Пашот, а иногда Лиза позволяла сделать себе что-то вроде болтуньи с овощами. Ангелина ненавидела яйца, но смиренно заставляла себя глотать все то, что с таким чувством и удовлетворением готовила Лизавета.

– Я соскучилась, – промурлыкала подруга и обвила руками ее шею.

Ангелина растаяла на пару секунд и перестала злиться. Лиза знала, как достичь нужного результата. Мокрые полотенца, душ, неубранная ванная комната... эта чертова яичница – в этом была она – невнятная, несобранная, как глупый непослушный ребенок, несостоявшаяся пока еще социально. Она была ровесницей Ангелины, но продолжала вести себя так, словно ей было пятнадцать лет. Постоянно мечтала о чем-то, постоянно думала о несуществующем совершенстве, и пока Ангелина работала дни напролет, Лиза предпочитала тешить себя просмотрами старых кинофильмов и выращиванием огромного палисадника редких растений на их маленьком зеркальном балкончике.

– Как ты смотришь на то, чтобы съездить на выходные к твоей маме... – мягко пробормотала она Ангелине в ухо.

Это был колкий и сложный вопрос, и обе женщины знали это. Ангелина невольно поморщилась и уклончиво ответила:

– Не могу... Ты же знаешь, у меня много работы.

– Твоя мама звонила мне сегодня. Она спрашивает, когда мы обратимся в Эко-Мед.

– Эко-мед... Эко-мед... – раздраженно отмахнулась Ангелина и сразу высвободилась из цепких объятий своей любовницы. – Я не готова становиться матерью.

Лиза обиженно закусила нижнюю губу и облокотилась о дверной косяк. Ангелина, стараясь не пересекаться с ней взглядом, быстро проследовала в гардеробную. Ей нужно было побыстрее свалить из дома, чтобы этот разговор так и не состоялся. Она прекрасно знала, чего вот уже битых пол года пытается добиться Лизавета.

Дети.

Детей хотят все женщины этого мира. Дети важнее денег, важнее здоровья, важнее карьеры и важнее любых земных благ. Лиза хочет, чтобы Ангелине подсадили ее яйцеклетку, и у них появилась одна на двоих дочь. Но Ангелина совсем не хочет быть инкубатором. Она вообще не знает, чего хочет. Оружие и плачущие отпрыски как-то не входили в ее планы. По современным меркам она еще довольно молода, хоть до окончания репродуктивного возраста ей осталось не так долго. И все же есть время подумать о чем-то более важном, чем ребенок.

Девушка прекрасно понимала, что подобные мысли в свете последних столетий и царящем на планете генетическом хаосе – преступны. Но ни таблетки Женофарм, ни Лиза – не могли надломить ее собственное сформировавшееся мнение. Подумаешь, Цивилизация рухнула. Кому плохо, что Ангелина идет против природы? Природа сама взбунтовалась и лишила человечество возможности нормального воспроизводства. Мужчины вымерли, сначала как понятие, затем как само слово, а после исчезли, как биологический вид. Сначала их становилось все меньше и меньше. Войны, гомосексуализм, женская независимость и право на власть. К 2123-у году главную партию в стране, а затем и президентство в Российской Конфедерации возглавила первая женщина-политик. Численность мужчин на земле к этому времени достигла критической низкой отметки. В стране вышел закон, обязывающий всех Иных достигших совершеннолетнего возраста, проходить полное медицинское обследование и сдавать сперму в специально созданный правительством медицинский центр «Гено-Фонд». Большой пакет акций компании, принадлежал государственной корпорации «ЭКОНТЕР». В 2170г филиалы компании открылись по всему миру. Это позволило на какое-то время восстановить рождаемость. Женщины смогли забеременеть без помощи мужской особи и даже без системы ЭКО. Баланс на планете постепенно начал восстанавливаться. Однако через десятилетие при-

рода вновь ударила по измененному человечеству оружием, после которого люди так не оправились. Женщин начала поражать странная особенность, впоследствии генетики назвали ее болезнью «Регресса». Все дети, рожденные в период с 2185 года – были девочками. Сначала медики полагали, что это случайность, обусловленная незначительными изменениями в сетке ДНК. Однако через нескольких лет, стало понятно – на этот раз природа даже не думает шутить с человеческим видом. Мужчины снова начали исчезать. Те редкие, кто остался, сбивались в небольшие группы и основывали собственные сообщества, существующие при полном обеспечении женского государства. На этот раз ни они, ни их семья, ничем не могли помочь женщинам, заполонившим весь земной шар. *Иных* охраняли будто редких животных занесенных в красную книгу. К 2210 году на земле осталось не более миллиона мужчин, различных этно групп и национальностей. Они все-таки продолжали рождаться, но теперь это уже не были свободные властители мира. Женщин, у которых по каким-то причинам рождался мальчик, в принудительном порядке помещали в стационар, где проводилось полное медицинское обследование на выявление причин этой «аномалии». Ребенка сразу же забирали. Ученые умы всего мира бились в раскрытии тайны болезни «Регресса». Страны и государства выделяли огромные средства, чтобы решить эту мировую проблему, но все тщетно. Рожденные мальчики всю свою жизнь находились в специальных учреждениях, гарантирующих их безопасность. Власти еще помнили разброд и войны за каждую мужскую особь. К середине нынешнего века – в сформированном женском обществе уже не существовало такого понятия, как мужчина. Их давно озаменовали «Иным полом», самым редким из ныне существующих. Многие женщины, рожденные в эти тяжелые времена, никогда даже не видели мужчин. Каждой девочке, при рождении присваивали личный регистрационный номер. Он был необходим для участия в межгалактической государственной лотерее. Она давала право зачать ребенка от мужчины естественным способом. Те, кто еще мечтал о сладости плотских утех с Иным полом, устраивали акции против государства, требуя предоставить мужчинам право выбора. В какой-то момент правительство решило пойти на встречу демонстранткам. Однако это привело к еще большему раздору в стране. Изголодавшиеся жительницы Земли бунтовали, не желая делиться друг с другом. Мужчина был сродни редкому зверьку – домашнему животному, способному доставить физическое удовольствие и вызвать в те необыкновенные эмоции, которые можно было испытать только с противоположностью.

Правда, не все испытывали потребность в том, чего даже не знали. В новом веке, многие образовавшиеся в стране женские семьи жили спокойной жизнью, не размышляя о том, какая польза им от мужчин. Это сложно было назвать лесбийскими союзами. Многие просто не знали, что можно иначе. Подруги, сестры... дочери и матери объединялись группами, вращивая свои ячейки общества. Женское естество очень быстро и динамично воссоздало на планете упорядоченную систему существования, независимую от войн и катаклизмов. Мир окутали спокойствие и тишина, экологический прогресс и гармония – именно таким стало современное общество. Понятия «детский дом» уже давно не существовало. *В мире не осталось ни одного ребенка лишнего материнского тепла.* Женская любовь полностью излечила Землю. Для этого потребовались целые столетия. Единственное, что омрачало существование огромной женской популяции – это генетическая память, избавиться от которой организм было невозможно. Женщина томилась и «болела» без мужчины. Охота на *Иных* все еще существовала. В странах начали появляться черные рынки, мужчин крали, нелегально вывозили и перепродавали за баснословные деньги. Впоследствии, уголовный кодекс Российской Федерации издал закон о серьезном наказании за подобные проступки. Укрывательство мужчины в стране было сродни убийству. Судили за это так же беспощадно строго. В стране уже давно не существовало ни демократии – ни возможности выбора. Система, какая бы гармоничная и безоблачная она не была, все так же оставалась системой, которой было подчинено все живое и не живое.

Редкое мужское сообщество планеты вяло боролось за собственные права. Мужчины по природе борцы и добытчики, в памяти которых еще были свежи воспоминания о собственном господстве. Женщины подавили их волю, лишили возможности принимать решения и жить свободно.

Единственной оппозицией сложного государственного улья – являлась скрытая подпольная организация «Мужское вето», распространявшая листовки и организовывавшая демонстрации и беспорядки в поддержку права мужчин к свободе. Спутники ловили несанкционированные каналы, запрещенные к теле вещанию. Глобальная сеть пестрила требованиями и лозунгами против нынешней ситуации в мире. Женщин призывали сменить государственную политику и полностью переформировать систему совместной двуполой жизни на планете. Те, кто по каким-то причинам оставался на свободе и не был подчинен контролю – пытались бороться за свои права. Беглые *Иные* устраивали мятежи и многочисленные противозаконные акции, объединялись в интернациональные сети, продолжая вредить. Спустя время, женское общество перестало воспринимать мужчину, как вырождающееся благо. *Иные* нарушали устоявшийся порядок в городах и странах, вводили диссонанс в спокойную жизнь и тем самым провоцировали руководство мировых стран к кардинальным действиям. Был издан очередной закон, запрещающий мужчинам свободное неконтролируемое передвижение по земле, а так же любая несогласованная с государством деятельность. Мужчин лишили возможности торговать, получать образование, покупать оружие, а так же водить любые наземные и воздушные транспортные средства. Те, кто миролюбиво соглашался на подобные условия, жили в специальных жилищных комплексах, построенных за счет государства и обеспеченных самым высоким уровнем охраны и защиты. Это были своего рода тюрьмы со своими правилами и законами, напичканные видео-регистраторами и следившими за каждым мужским шагом. Здесь запрещалось курить, употреблять спиртные напитки и вступать в контакт с работающими местными женщинами без разрешительных на то документов. Жестокая система, тем не менее, была благосклонна к их физическим желаниям. *Иные* могли потребовать любую самку, и получив ее согласие, а так же оформив все необходимые бумаги – провести с ней ночь. Не более суток с одной и той же представительницей прекрасного пола, иначе, по мнению врачей – это грозило развитием серьезных эмоциональных потрясений. С течением лет – эта система существования стала так же привычна, как чай или кофе на завтрак. Те *Иные*, кто был выведен в инкубаторах – не знали и не ведали другой жизни, а женщины привыкли думать, что сделали все возможное для сохранения мира и мужской популяции.

Место, в котором жили *Иные* называлось «Зоной-Н». Там их растили и обучали наукам с рождения. В комплексе, размером с небольшой город, располагались огромные спорт-комплексы, искусственное море с собственным яхт-клубом, и великолепные конюшни с породистыми жеребцами. Мужчинам, проживающим на этой территории, разрешали передвигаться по миру, но только в сопровождении вооруженных женщин-курьеров и не чаще чем 1 раз в год. Пленники были нумерованы, у каждого был свой порядковый номер, соответствующая татуировка и даже свой фан-клуб.

Многочисленная социальная аудитория женщин закидывала мужчин «Зоны-Н» посланиями, письмами, словами любви и поддержки, а так же мольбами о личной встрече. Каждое электронное письмо сопровождалось фотографией и кратким рассказом о себе. Все письма автоматически принимали участие в ежедневной государственной лотерее. Тех, кого выбирала система, провожали в «Зону Н», как на праздник. Это была большая удача. Хотя и здесь были свои оговорки. Перед долгожданной встречей с мужчиной, каждая обязана была пройти полное медицинское обследование. Удостоверившись в стерильности партнерши, ее устойчивом психическом состоянии, а так же изрядно напичкав ее гормонами «Женофарм» – женщину

пускали в апартаменты к мужчине. Это и была тяжелая ежедневная работа для Иных – придумывать себе новые развлечения и заниматься оплодотворением. Иногда, оказавшись в «Зоне-Н» по работе, Ангелине приходила в голову странная мысль – в новом мире, как и в прошлых веках, ничего не поменялось.

Глава 2.

Громкий звук двигающегося впереди локомотива, вернул Ангелину к реальности. Девушка подняла глаза и увидела, что едет в вагоне метро и ее нещадно мотыляет из стороны в сторону. Ангелина старалась сидеть прямо, прижавшись виском к холодному запотевшему окну, ее шея ужасно ныла от боли. Кажется опять судорога. Давно пора навестить своего невролога, по всем ощущениям, у нее стопроцентный остеохондроз.

Девушка прогнала в памяти незаконченный диалог с Лизой. Все повторяется каждую неделю. Лизавета стоит на своем и хочет раздавить Ангелину своей безмерной настойчивостью. С тех пор, как они начали встречаться, она бредила о детях. Даже во сне, Ангелина слышала, как Лиза бормочет что-то невнятное, то ли «малышка», то ли «энджи». Мысль о том, что они вдвоем будут воспитывать ребенка, вводила Ангелину в каменный ступор. Она будто переставала думать и слышать. Когда люди что-то планируют, в их светлых головах рождаются образы и действия, целая ступень каких-то событий, выступающих сюжетную линию, ведущую к цели. Ангелина же не понимала, чего она хочет. Не понимала, для чего она вообще живет. Система поглотила все ее желания. Человеческие ценности были утеряны и не опознаны. Она достигла того возраста, когда четверть жизни была уже прожита, но вспомнить о ней что-то значимое женщина не могла.

Не посетила ни одной Галактики. Не слетала в разрушенный цунами Сан-Франциско. Ни разу не прокатилась на эко-плане под самыми небесами. Ни единожды не попала на встречу выпускниц престижного государственного вуза. Никогда в жизни не возилась с мукой, чтобы приготовить яблочный пирог с корицей. Ну и конечно, ни разу не переспала с мужчиной.

Впрочем, не велика потеря. Ее мать не спала с мужчиной, ее прабабушка, не знала, что такое мужчина, и все ее предки никогда даже и не думали об этом. Хотя... возможно и думали, но у них не было таких шикарных возможностей, как у Ангелины. Все-таки она штатный специалист «Эконтера». И если у тебя нет пары миллионов на счету, что еще может быть ближе к *Иным*? Тем не менее, вся ее жизнь вращалась рядом с преступниками и преступницами двух неравнозначных тюрем. Мужская содержательная колония предварительного заключения, куда попадали непознанные и незарегистрированные случайно пойманные мужчины или те, кто решился нарушить закон.

Ангелина помнила, как в первый раз оказалась в стенах «Зоны-Н», построенной для *Иного* пола. Во времена студенчества, их группу привели туда на экскурсию. По всему периметру комплекса располагались посты с охраной. Вооруженные женщины в светло-серой форме и темных очках, с ярко-накрашенными губами, неторопливо расхаживали по территории. Они улыбались, и создавалось впечатление, что это не охрана, а просто туристы, случайно зашедшие поглазеть на искусственно созданный мужской зоопарк.

– Представляешь, мы увидим их сейчас.... Увидим... – с дрожащим нетерпением прыгала рядом Лика, сокурсница и боевая подруга.

– Подумаешь, – пожалала плечами Ангелина. – Я их вижу каждый день по телевизору. В новостях, онлайн трансляциях, кинофильмах... Каждый из них не меньше, чем поп-звезда. У каждого свой сайт и собственная яхта с его именем. Государство делает на этих людях многие миллионы. Они такой же продукт потребления, как и газировка. Только газировка стоит дешевле.

– Ты глупая, – убежденно кивнула Лика и даже покрутила пальцем у виска.

– Причем за их богатое и безбедное содержание мы платим из собственных налогов, – добавила Ангелина с торжествующим видом.

– Не важно, что с ними делают и за чей счет они живут, – скривилась подруга, – Главное, что мы одни из немногих, кому доведется их увидеть... Это ли не событие! Да все бабы мира только об этом и думают!

Ли́ка мечтательно закатила глаза и с упоением продолжила:

– Мама говорила, что главное, это не потерять контроль. Я слышала, у некоторых девочек отнимались ноги и случался сердечный приступ!

– С чего это? – Ангелина прыснула со смеху.

Сопровождающая их женщина обернулась и сурово погрозила им пальцем. Заткнитесь, мол. Девушки быстро замолчали, но через секунду продолжили шепотом.

– Это полная чушь, – шепнула Ангелина подруге. – Это такие же люди, как ты или я... Только между ног у них что-то другое.

При этих словах Ли́ка покраснела, хотя Ангелина отчетливо видела, как бес в ее глазах весело отплясывает тверк.

– Я бы отдала все на свете, чтобы хоть раз увидеть эту штуку... – пробормотала Ли́ка задумчиво.

– Открой интернет. На их сайтах полно этого безобразия.

– Нет... Я хотела бы... Потрогать.

Ангелина не выдержала и громко рассмеялась, за что тут же получила очередную претензию от экскурсовода.

– Тогда торжествуй, – прослезилась она, – Твой личный номер три миллиона пятьсот третий. Через пару десятков лет у тебя появится шанс. Да здравствует единая государственная лотерея. Аминь.

Ангелина закатила глаза и не больно ущипнула подругу за плечо. Ли́ка улыбку и прислонила указательный палец ко рту, мол, заткнись.

Собравшаяся группа первокурсниц выглядела растерянной и заинтригованной. Их стайкой вели по длинным коридорам «Зоны-Н». Впереди вальяжно следовала руководитель группы – Виктория Анжеликовна. Она уверенным шагом сурового преподавателя ступала по черному скользкому полу, отчего по всему коридору раздавался цокот ее длинных налакированных шпилек.

– Как только мы войдем туда, я вас предупреждаю, держать свои охи и ахи при себе. Здесь вам не цирк. Все понятно? – громогласно отрапортовала она.

Девочки хором закивали. Почти все были одеты в темно-синюю брючную форму. На ногах были неприметные балетки разных цветов, волосы коротко стрижены, согласно последней моде. На руках – средней длины замшевые перчатки. Никаких рюшек или ярко-накрашенных губ. Того требовал регламент института, а также правила появившиеся целое столетие назад.

– Попрошу соблюдать тишину и не реагировать на провокации. Мужчины здесь избалованы, не то, что в других мировых сообществах. Там с ними не церемонятся, однако в Российской Конфедерации, другие порядки. Мы исторически слишком великодушны к своим обидчикам, не находите?

Она сделала многозначительную паузу, а затем продолжила:

– Цель данного урока – сохранить самообладание и попытаться держать себя в руках. Это очень важно при дальнейшей работе с Иным полом. Вы должны четко сознавать, что не имеете права реагировать на них... – она замешкалась на секунду, – Реагировать на них, как женщины...

– Как это? – послышался чей-то неуверенный голос. Девочки тут же захихикали.

Преподаватель сочувственно оглядела абитуриенток, и небрежно поправив квадратные очки свесившиеся к самому кончику носа, заметила:

– Женщина и мужчина долгое время зависели друг от друга. Природа создала нас разными, но эти два разнополюх вида всегда и неотрывно тянулись друг к другу. Так заведено во вселенной. Наша планета на пути другого развития, мужчин почти нет. Но... это не значит, что вы ничего не почувствуете, увидев их...

Ангелина подняла голову к потолку и без интереса стала изучать большие неоновые осветители. Она увидела, как черная мушка маленькими зигзагами закружила возле камеры видеорегистратора, а затем резко взметнув вверх, пропала из виду. Хорошо, наверное, быть такой мушкой, думала Ангелина. По крайней мере, есть с кем размножаться...

Ли́ка продолжала что-то бормотать подружке в ухо, но та почти не обращала на нее внимания. Группа девушек торопливо прошли в открывшийся перед ними панорамный лифт, который бесшумно доставил их на семьдесят шестой этаж. Сквозь прозрачную просторную капсулу открылся потрясающий вид, от которого у юных женщин захватывало дух. Воздушные рекламные баннеры и проспекты утопали в тяжелых, осязаемых облаках пастельного белого цвета. Мимо проносились ряды автолайнов, поблескивающих в сверкающих лучах полуденного солнца. И всю эту картину завершала огромная конусообразная многоуровневая вершина соседнего здания «Экомеда». Тысячи черных зеркальных окон отражались на лицах девочек сотнями мелькающих бликов.

– Невероятно... – пробормотала Ангелина, зажмурившись от этого великолепия.

«31 КАНАЛ «ЗОНЫ-Н» объявляет очередной конкурс! Поторопитесь, прием заявок ограничен! Участие могу принять совершеннолетние женщины прошедшие полную медицинскую комиссию в центрах ЭКОНТЕРА» – гласила воздушная вывеска, неторопливо плавающая на высоте двух тысяч метров от земли.

– Я никогда не поднималась так высоко... – испуганно пробормотала Ли́ка и невольно схватила Ангелину за руку.

– Ты же летаешь на авиолетах с детства, – улыбнулась Ангелина. Трусость подружки забавляла ее.

– Это совсем другое... Я очень боюсь высоты и не понимаю, как моя мама отваживается каждый день пользоваться авиолетом. Я предпочитаю ездить за рулем на земле, а если мне нужен воздушный транспорт, для этого есть службы такси.

– Ты не зарабатываешь столько, – пожурила ее Ангелина. – Ты вообще пока не зарабатываешь.

– Если нас возьмут работать в «Эконтёр», мы наверняка заработаем себе на авиолет «Mercedes X100». Нет, целых два авиолета!

– Ну– ну, – усмехнулась Ангелина и лишь покачала головой.

Полностью прозрачные двери лифта открылись и девушки, будто горошины, высыпали в светлый ярко освещенный холл. Дизайн помещения оказался таким же величественным, как и репутация крупнейшей в мире корпорации. Пространство облачили в традиционный и дорогостоящий белый мрамор – полы, потолки и даже стены.

«Точно небожители, не иначе», – подумала Ангелина.

Ее пробирала дрожь от одной мысли, что можно вот так просто жить на самых высоких этажах планеты и ничего не бояться. Ангелина ненавидела высоту. Она считала ненормальным, селение в небоскребах. Девушка так же не одобряла способность современного человека погружаться под воду и строить колонии на глубине нескольких сотен метров. Ангелина была уверена, что все, что противостоит естественности – не является нормой. Люди, созданы ходить ногами,

а значит, они не должны жить под водой или выстраивать свои гнезда в небоскребах, будто птицы. Это ненормально.

– Достаньте таблетку Женофарма 1-К степени и запейте ее водой, – скомандовал зычный голос преподавателя. – Воду вы найдете на гостинном столе.

Девушки хором засемили к небольшому белому столику, стоящему возле огромного панорамного окна. Ангелина на секунду застыла перед открывшимся ей впечатляющим видом. Большие мягкие бледно-голубые облака обволакивали сто тридцать восьмой этаж внушительного здания. Она видела его закругленное зеркальное основание, утопавшее в небесной «пене», как будто это была большая штормовая волна, выбросившая свои слезы на берег. Это было захватывающее и красивое зрелище. Похлеще, чем дорогой аттракцион в парке развлечений. Стоило пойти на этот курс только лишь, чтобы разок взглянуть на этот вид.

Металлический голос извне, вернул ее к реальности:

– А теперь подойдите к белой двери. Когда она откроется, вы пройдете в большой туннель, отделяющий вас от Иного пола. Вам придется полностью миновать его, чтобы оказаться у входа в 24 аудиторию. Там вы в спокойной обстановке напишете доклад о своих первых впечатлениях. Это серьезная психологическая работа. И будьте внимательны, мужчины будут провоцировать или привлекать ваше внимание. Старайтесь сохранять спокойствие. Ваша задача, не реагировать на их провокации.

– А зачем им это нужно? – невольно спросила Ангелина.

– Милая моя, – холодно улыбнулась Виктория Анжеликовна, – Тебе нужно было хорошо изучить мировую историю Иного пола. Мужчины не существуют без провокаций. Все, что им нужно, это игра. Считай их плохо-воспитанными детьми и относись к ним так же. Женщина для них ничто. Нас слишком много, чтобы они хоть как-то оценивали нас.

– Забавно, – подумала Ангелина.

Предмет «Мировая история Иного пола» был ее любимым, и именно знание этого предмета четко дало ей понять – когда Иной пол господствовал на планете, и женщин на земле было гораздо меньше, мужчины в большинстве своем, вообще их не ценили. Значит ли это, что Иной пол является заведомо и генетически неисправимым?

– Забавно, – еще раз подумала Ангелина и сделала шаг навстречу неизвестному.

Белые двери автоматически открылись. Представший перед девочками большой холл, огражденный защитным стеклом, был полностью оснащен последними достижениями спортивной техники. Здесь располагались классические тренажеры, начиная от беговой воздушной дорожки, заканчивая велосипедом, штангой и портативными степ-ступенями. Посреди всего этого многообразия возвышался боксерский ринг, на котором стояла темноволосая высокая грузная женщина, облаченная в удобные спортивные брюки и размашистую кофту бардового цвета. Она была явно не в духе, постоянно размахивала руками и громко на кого-то орала, опустив голову в сторону обратной стороны ринга:

– Если ты будишь драться, как девчонка, то я попрошу, чтобы тебя вышвырнули из команды нашей сборной! Мы два года шли к этому матчу, а теперь ты стоишь и говоришь мне, что у тебя нет настроения?! Я тебе что, мамочка, чтобы ты вел себя, как обласканный сыночек? Быстро пошел на ринг!

– Я устал, – донесся о ответ недовольный мужской бас.

Студентки хором вздрогнули и не сговариваясь, прижались к прозрачному стеклу. Ангелина слегка наклонила голову, пытаясь разглядеть, что же там происходит.

– Быстро на ринг! – еще громче заорала женщина. Судя по всему, она была крайне раздражена. – Оба! Марш туда оба!

В эту же минуту, из-за угла неторопливо вышли двое Иных и нехотя, вальяжной походкой, проследовали к ступеням на вершину помоста.

Абитуриентки ахнули и прикрыли рты своими ладонями. Ангелина потупила взгляд. Ей было неловко смотреть на мужчин, одетых так откровенно. На них были только боксерские шорты, удобные тренировочные кроссы и больше ничего. За долю секунды она успела разглядеть их длинные крепкие ноги, накаченные икры и совершенный натренированный торс. Иные были коротко стрижены, с характерными для бойцов, выбритыми на макушке инициалами и татуировками с порядковыми номерами на грубых запястьях. Услышав шум, они повернули головы и без интереса взглянули на пришедших женщин. Некоторые из девочек тут же опустились на пол, спрятавшись от их взглядов и нервно захихикали.

– Поднимитесь с пола, – властно сказала Виктория Анжеликовна. – Поднимитесь и будьте внимательны.

– Женщины! – крикнул один из парней, весело улыбаясь. – Мой штатный номер В124, голосуйте за меня на отборочном матче и возможно, я выберу ваш номер для личной аудитории.

– Залезай в ринг, ловелас хренов! – снова заорала грузная тренерша.

Мужчина тут же повиновался и послав несколько воздушных поцелуев в адрес юных студенток, перелез через туго натянутый ринг.

Ангелина скривилась. Что это еще такое? Какое развязанное и грубое сексуальное поведение.

– Он потрясающий, нет, ты видела? – возбужденно сказала Лика и облизнула пересохшие губы. – Тот, что с короткой стрижкой.

– Они оба с короткой стрижкой, – пожалала плечами подруга, – И у обоих наглые лица. Они не тронули бы меня, даже если бы я не приняла Женофарм.

Лика недовольно фыркнула и недоверчиво посмотрела на Ангелину.

– В124, – твердо заявила она, – Запомни этот номер. Может нам с ним повезет. И ты абсолютно неисправима. Посмотри, вот еще один!

Ангелина повернулась в противоположную от прозрачного купола сторону и увидела еще нескольких Иных, вальяжно разлегшихся на белых шезлонгах, закинув красивые крепкие головы на мягкие подушки. Несколько сотрудниц Эконтера в плотной обтягивающей униформе, делали им массаж воротниковой зоны.

Ангелина смотрела на полуголые тела Иных, обтянутые махровыми простынями и пыталась представить, что в них такого особенного, из-за чего к ним относятся словно к священным коровам. И почему она вынуждена глотать какую-то химию, чтобы быть всего на толику равнодушнее, чем если бы она ее никогда не пила.

Девочки затихли, делая какие-то пометки у себя в блокнотах. Ангелина решила последовать их примеру и тоже что-то записать. На ум пришло всего одно слово: «содержанцы». Помешкав секунду, она неуверенно нацарапала на листке свою мысль, добавила к ней другое словосочетание – «самолюбивые приспособленцы».

– Благодарю, – кивнула Ангелина невидимому зрителю, очень довольная собой. – То малое, что могу...

Улыбнувшись, девушка с уверенностью захлопнула свой блокнот.

– Ты что, закончила? – округлила свои глаза Лика, все это время решительно тыкая наманикюрными пальчиками в экран флеш-бука. Кажется, она намеревалась написать целую поэму на тему первой встречи с Иными.

– А мне все предельно понятно, – уверенно кивнула Ангелина. – Лично я для себя все поняла.

– Ты совершаешь ошибку, – скривилась Лика, – Это серьезная отчетная работа. После нее станет ясно, кого куда направят. Ты же не хочешь оказаться в «Зоне-М»? Это же кошмар.

– Там тоже неплохо платят, – пожалала плечами Ангелина.

– Ты ненормальная, – убежденно кивнула Лика. – Ты сгниешь в этом женском палисаднике. Умалишенные бабы сделают из тебя психичку. Тебя будут пичкать Женофармом 5-К, ты будишь мультфильмы по пять раз перематывать, чтобы понять их смысл.

Ангелина звонко рассмеялась и дружески потрепала Лику по плечу. Может быть подруга и права, но девушка и так знала, что они все попадут женскую колонию. Стоило ли отдуваться на этой решающей контрольной, если все самые хорошие места в «Эконтере» уже заняты. У них с Ликой нет богатых мам, способных решить все их проблемы по мановению волшебной платиновой карточки. Они хоть и студенты «Экомеда», но плавать все-таки будут на самом дне эволюционной цепочки компании. Поэтому Ангелина не торопилась стараться нравиться кому-то из здесь присутствующих и уж тем более этим закормленным, холеным избалованным мужикам.

– Девочки, милые, не хотите сделать нам массаж? – донеслось до нее из-за пуленепробиваемого изоляционного стекла.

Ангелина тут же прижалась курносый носом к прозрачной поверхности и состроила Иным неприличную рожицу. Те прыснули со смеху и помахали ей рукой. Ангелина тут же показала им неприличный жест. Сокурсницы посмотрели на нее и осуждающе покачали головами. Ну и что, что она лучшая студентка на курсе, тем не менее ведет себя, как задавала.

– Пойдем отсюда, – Лика тут же потащила ее к выходу из стеклянного коридора. – Я не хочу, чтобы тебя оштрафовали и лишили права на экзамен. Ты сама не понимаешь, что творишь. Если тебя спросят о твоём эмоциональном срыве, скажи, что у тебя месячные.

– У меня не было месячных лет пять. Может, найдешь другое разумное объяснение? – усмехнулась Ангелина, покорно следовавшая за подругой.

– Тогда скажи, что выпила слишком много «Женофарма».

– Вот это больше похоже на правду, от него у меня жутко болит голова по утрам.

Минуя группы девчонок, толпившихся в холле, подруги быстро прошмыгнули к выходу и столкнулись нос к носу с преподавательницей.

– Стоять, – холодно сказала она. – Вы закончили?

Ангелина уверенно кивнула и протянула ей белый лист бумаги.

– Почему не в электронном виде?

– Забыла флеш бук дома.

– Очень необязательно, – неодобрительно кивнула препод. – Комиссии придется снять несколько баллов за такую необязательность.

– Ничего страшного, – широко улыбнулась Ангелина, поправив белоснежный воротник рубашки. – У меня есть еще сотня бонусных баллов оставшихся от добровольной практической работы в «Зоне-М».

– А... – нахмурилась педагог, – Так ты та самая студентка, отважившаяся пройти практику в самой проблемной тюрьме Конфедерации? Ну что же, смело. Думаю, комиссия учтет этот факт. Следуйте к выходу. Там вас ждут сопровождающие, которые выведут вас к лифту. Попрошу не задерживаться.

Спустя неделю после этого случая, Ангелину вызвали в кабинет декана зав кафедрой эмоциональной животноводологии. Разговор состоялся короткий и по существу.

– Мы ознакомились с результатами вашей отчетной работы на тему первых эмоциональных реакций направленных в сторону Иного пола и... нашли ее очень... экстравагантной.

Ангелина вопросительно уставилась на своего потенциального руководителя.

– Разрешите присесть? – задала она вопрос белыми губами. Начало не предвещало ничего хорошего.

– Думаю, вам стоит постоять, – криво улыбнулась деканша.

Она как всегда была нелепо и не по моде одета, а в квадратном неудобном кабинете, как и пять лет назад, пахло спиртным. Скорее всего, где-то припрятана начатая бутылочка конька или анисовой водки. Ангелина так же почувствовала запах горького шоколада и еще какой-то цитрусовой еды. Совершенное нарушение закона. Самим же законом. Злоупотреблять спиртным запрещалось всем и каждой жительнице Конфедерации с 2156 года. А обедать в рабочее время, не по графику – вообще неприлично.

– Я не прохожу на следующий курс? – не выдержала девушка. От запаха спиртного у нее началась кружиться голова.

– Замолчите, – коротко отрезало начальство, – Здесь я задаю вопросы. Как вы сами оцениваете свой минутный труд? Три слова на скомканном листке бумаги – это не то, что вся кафедра ожидала от лучшей студентки курса.

– Оцениваю? – растерялась Ангелина и вжалась в бетонную стену, – Мне сложно оценивать. Я лишь руководствовалась первым полученным эффектом. Я всегда работаю по системе. Еще на первом курсе мною был досконально изучен эффект первого впечатления. Он и был основой моего отчета. Да, я виновата, что потеряла бдительность и оставила свой флеш бук дома, но... это не меняет дела. В электронном виде вы получили бы точно такое же описание ситуации. Зачем мне придумывать неправду, если правда заключается всего в трех словах? Вот мое личное понимание ситуации. Я проучилась пять курсов и знаю все основы государственной и медицинской системы нашей страны. Мне нет разницы, где применять эти знания – в женской тюрьме или мужском раю, – вздохнула Ангелина, – Для меня два этих понятия – не идеальны. Ни с точки зрения человеколюбия ни с других морально-этических точек зрения.

Девушка буквально выдавила из себя последнее предложение и сползла на рядом стоящий железный стул.

«Святые небеса, зачем она все это наговорила? Кто ее за язык тянул? Теперь ей точно дадут пинок под зад».

«Принята на шестой общеобразовательный курс государственного института «Экомед». Кафедра психологического дознания с последующим трудоустройством в компанию «Эконтер». Предварительно одобренная должность – третий заместитель руководителя отдела» – значилось в открытом письме по месту жительства, пришедшей ей через несколько дней.

Уже позже, когда Ангелина анализировала свой минутный срыв в кабинете декана, спровоцированный тем, что она не приняла зомбирующие таблетки Женофарма, и пришла к выводу, что эта нелепая случайность навсегда и бесповоротно изменила всю ее жизнь. А так же судьбу всего человечества...

2234г. Наши дни.

Телефонный звонок застал Ангелину в спорт-зале. Накануне Лиза сказала, что она стала толстеть, поэтому Ангелина решила заняться хоть каким-то физическим трудом. Она ненавидела спорт, но в этом комплексе были тренажеры, позволяющие ничего не делать: просто лежать на диване и читать книгу. Они не пользовались уважением среди любителей потягать железо, но зато были очень эффективны в борьбе с лишним весом. От мыслей о предстоящем диетическом обеде ее отвлек телефонный звонок, неприятно завибрировавший в ее ухе.

– Але, ты где? – услышала она знакомый голос, нажав на датчик, помещенный в ушную раковину.

– В спорт-зале, – устало промямлила Ангелина.

Прикрепленные «жучки» безжалостно гудели на ее бледном теле, облаченном в удобный спортивный костюм. Тренажер явно намеревался избавить ее от любого проявления несовершенства.

– Через час собираемся в «Плазе», – бодро сообщила ей Лика. – Будут все. Оденься прилично.

– Хорошо, – обреченно ответила девушка и отключила связь.

Она совсем забыла, что сегодня пятница и по традиции, они с подругами собрались в ресторане гостиницы «Плаза», отстроенной в самом центре престижного района с торжественным названием «Верховная жрица». Здесь располагалось элитное жилье крупных предпринимателей, некоторых политиков и даже звезд шоу-бизнеса. Именно в одном из таких домов жила близкая подруга Анжелины, Вита. Она была дочерью богатой мамы – хозяйки крупной сети художественных галерей и именно благодаря ее связям, Анжелину вообще взяли на первый курс «Экомеда».

Тяжело вздохнув и уже предвкушая традиционные разговоры о любви, сексе и деньгах, Ангелина поднялась со своего кресла и отправилась переодеваться. Она совершенно не собиралась выглядеть прилично и дорого, тем более, что с ее скромными доходами, это было невозможно. Через час она уже ехала в такси, вилля на скоростной «Кia» по проспектам своего города. Мимо мелькали таблички с названиями учреждений, магазинов, школ, кафе и ресторанов. Везде было чисто и ярко. Толпы женщин, одетых в разную одежду, неторопливо шли по улицам, некоторые переходили пешеходный переход, другие разговаривали по телефону или вглядывались в экраны своих флеш буков.

«Абсолютный дурдом», – думала Ангелина, подъехав к нужной улице и выпрыгивая из машины. Гостиница «Плаза» возвышалась над девушкой, словно огромная гора, поблескивающая в свете отражающих стекол и зеркал. Еще минута и вот Ангелина входит внутрь. Двери перед ней услужливо раскрываются в разные стороны, словно каждый в этом месте рад ее личному присутствию. Ресторан гостиницы располагался на десятом этаже, фактически весь этаж был отведен под зону популярного заведения. Общий стиль обстановки, выполненный в цвете розового золота, явно говорил о достатке женщин, посещающих это место. Повсюду стояли огромные вазы с белыми лилиям, играла ненавязчивая музыка, и чувствовался едва уловимый аромат свежей выпечки.

– Привет, детка, – по-кошачьи промурлыкала Вита, даже не поднимаясь с белого кожаного кресла на длинной металлической подставке, – Присаживайся. Я заказала нам яблочный грог.

– Ты же знаешь, я не люблю грог, – скривилась Ангелина и придвинув высокий стул поближе, с удовольствием устроилась в нем.

Приятельница сидела напротив и непринужденно красила губы ярко красной помадой. У нее было тонкое вытянутое лицо, красивые раскосые глаза и высокий лоб, который покрывала густая медная челка. Вита была шикарной девушкой и прекрасно знала это. Ангелина невольно улыбнулась, глядя на ее модный клетчатый костюм и белую накидку из искусственного песка на хрупких плечах. Внезапно на теле Анжелины что-то громко зажужжало. Вита оторвалась от своего занятия и вопросительно уставилась на подругу. Ангелина пожалала плечами и засунула руку под юбку. Вита оглянулась и прыснула со смеху, но Ангелине было не до смеха. Мышцы ее болели, вдобавок девушка обнаружила, что под правым бедром все еще закреплен работающий жучок. Из-за этого непрекращающегося сокращения мышц, нога нестерпимо ныла. Отцепив его одним рывком, Ангелина небрежно бросила его на стол.

Тем временем девушка-официантка, с темной копной взъерошенных волос и выбритым затылком, протянула им электронное меню.

– У нас сегодня свежий говяжий суп, рекомендуем, – сладким голос сообщила она.

– С каких пор вы подаете говядину? – присвистнула Вита.

Ангелина лишь покачала головой. Она давно привыкла в беспардонной и избалованной подруге.

– С тех пор, как вышел закон об искусственном выводе рогатого скота, – не моргнув глазом ответила официантка.

– Коровья порода вывелась столетие назад, я читала об этом в экологическом еженедельнике, – возразила ей Вита. – Вы хотите сказать, что теперь говядина стала общедоступной?

– Я лишь хочу сказать, что в нашем меню появился говяжий суп, – улыбнулась ей девушка и поправила бакенбарды. – За большие... Очень большие деньги.

– Вы выводите коров прямо здесь? – насмешливо оглянулась Вита, видимо надеясь увидеть позади себя зеленую лужайку с пасущимся стадом. Однако, вместо этого, картину дополнили сидящие за своими столиками женщины. Ресторан был заполнен наполовину. Дамы разных возрастов и комплекции восседали на своих высоких стульях и о чем-то без умолку щебетали. Их объединяли похожие прически и бледноватый цвет лица.

– Нет, у нас заключен контракт с компаниями, занимающимися выведением этих животных, – донесся голос сотрудницы.

– Интересно, почему нельзя искусственно выводить мужчин? – расхохоталась Вита, – Ладно, принесите нам говяжий суп, салат с какой-нибудь зеленью и витаминным комплексом.

– Клонирование тоже запрещено законодательством, – заметила Ангелина и улыбнулась краешком губ, – За это наказание посерьезней, чем твой сегодняшний обед из коровы.

Вита скривилась и беспардонно показала подруге язык.

– Спорю, они уже давно делают это, – заметила она, отпивая из красивого бокала, глоток минеральной воды с лимоном. – Наверняка есть какая-нибудь лаборатория, где уже давно занимаются клонированием *Иных* для перепродажи на черном рынке. Никогда об этом не думала?

– Даже не могу себе представить, – закатила Ангелина глаза.

Буйная фантазия Виты всегда ее удивляла. Хотя чего греха таить, иногда тропки ее воображения уходили не так далеко от истины.

– К тому же, – добавила Ангелина нехотя, – Вспомни о смертности таких детей. Мальчики не доживали и до трех лет.

– Подруга, это не прилично, – скривилась Вита. – Я хочу спокойно пообедать. Давай сменим тему.

– Прости дорогая, – кивнула Ангелина.

– Вы принимаете к оплате чипы «Сайбер-Банка»? – обратилась Вита к официантке тоном человека, который вообще не привык разговаривать с обслуживающим персоналом.

– Да, конечно.

Безликая девушка в хлопковом белом платье, больше похожем на обернутую вокруг тела простыню, покладисто кивнула и неслышно удалилась.

– Как мне надоели эти тренировки... – промямлила Ангелина недовольно, потирая больную ногу. – Лиза очень хочет, чтобы я была красивой и худой. Как все бабы этой планеты.

– Тогда тебе нужно отрезать свою грудь, моя дорогая, – услужливо посоветовала ей Вита и поправила модный дорогой галстук из коричневой замши.

– Не напоминай ей об этом, – услышали они позади себя веселый голос.

Это была Лика. Она широко улыбалась и выглядела восхитительно в своем новом темно-зеленом костюме. На ее голове красовалась желтая шляпка-цилиндр не подходящая в тон, а в руках сверкала блестящая сумочка в мелкую клетку.

– Ну, ты прям как на свидание, – усмехнулась Вита, отодвигая свой стул, чтобы приятельница могла протиснуться на свое место.

Лица быстро поцеловала подруг в щеку и уселась напротив, закинув ногу на ногу.

– А я и правда собираюсь на свидание, – подмигнула она не накрашенным глазом. – Сразу после вас я встречаюсь с Дэнис.

– О нет, – схватилась за голову Вита. – Ты не можешь встречаться с этой мужланкой.

– Почему? – обижено закусила губу Лица.

– Потому что она ненормальная, – убежденно воскликнула Вита. – Она считает себя Иным. Или иной? Короче, у нее какие-то проблемы с головой.

– Неправда, – обиженно надулась Лица, – Она просто живет в ногу со временем. К тому же, она довольно красива и внимательна.

– О, Боже... – закатила Вита глаза.

– За неделю общения Дэнис подарила мне два букета и еще один презент от дорогого бренда, – гордо добавила Лица.

– Она использует тебя и бросит, – скривилась Вита и отпила большой глоток воды из бокала. – Эта баба глотает Женофарм, и еще другие странные таблетки без разбора. В ней совсем не осталось женскости. К тому же, я слышала, что она собирается сделать себе операцию по смене нашего пола.

– Ну и что, – пожалала плечами Лица. – Так делают многие.

– Да, но... – протянула Вита, многозначительно закатила глаза, но так и не решилась продолжить свою мысль.

Никто не решился продолжить. Хотя каждый из женщин прекрасно знал, что происходит с теми, кто не желает жить по законам природы. Их было много на улицах Конфедерации. Их вообще стало очень много с тех пор, как операции по смене женского пола легализовали. Мода на мужчин стала слишком популярна в этом мире: было принято стричься под мальчика и выглядеть, словно ты и правда мальчик.

Ангелина невольно огляделась. Вот и здесь они тоже есть. Эти женщины... наполовину мужчины. У них нет груди, они симпатичны и опрятны, одеты во все строгое и бесформенное. Либо наоборот, слишком обтягивающее. Вот, за соседним столиком воркует милая парочка. Она – лет сорока и ее пассия, полностью олицетворявшая красоту и притягательность нынешнего века: худая, юная, с короткой стрижкой каштановых волос и огромными глазами, как у рыбы. Всему виной – объемные линзы, оптически увеличивающие веко. Она сидела, закинув длинную ногу на ногу, но даже издали Ангелина видела, как выпирает из кожаных брюк, ее пришитое хирургическим путем, мужское достоинство. Ангелина знала, что эти органы искусственно выводят в лабораториях и используются исключительно, как блажь – источник наслаждения и удовольствия современных жительниц планеты. Такие женщины неспособны к воспроизводству детей и не столь важно, носителем какого пола они являлись. Мода на гермафродитов – еще один бич нынешнего века.

– Не будем обсуждать Дэнис, – недовольно закрыла тему Лица, – Это всего лишь моя личная жизнь. Я совсем не собираюсь регистрировать с ней с ней отношения в государственном реестре.

– Это нынче не в моде, – кивнула Вита, как бы соглашаясь с подругой. – Для того, чтобы жить вместе, совсем не обязательно расписываться.

– Подумать только, – всплеснула руками Ангелина.

Подруги вопросительно на нее уставились.

– Столетия проходят, а в этом мире ничего не меняется, – рассмеялась она, – Хотя, откуда вам знать. Вы же ни одной книжки по истории не прочитали.

– Ну почему же, – улыбнулась Вита снисходительно, – Я, например, в курсе, что означало понятие «гражданский брак». Просто теперь вместо домашних животных мы заводим себе мужчин.

– Этим могут похвастаться немногие, – с легкой нотой зависти заметила Лика. – Те, кто обладает очень большими деньгами. Очень большими.

– Да, например я, – радостно кивнула Вита и достав тонкую сигарету из портсигара, ароматно закурила. В это же время, незаметно подошедшая официантка поставила перед гостями поднос с вкусно пахнущим бульоном.

– Вам внести штрафную санкция за курение в счет? – равнодушно поинтересовалась она.

– Да, пожалуйста, – согласно кивнула Вита и расстегнула свой пиджак, обнажая полупрозрачную белую ткань, натянутую на голое тело.

Ангелина мельком бросила взгляд на ее обтягивающую футболку и не без зависти отметила полное отсутствие молочных желез.

– Девочки, вы будете курить?

Вита обвела собравшихся подруг карим взглядом и хлопнула короткими белесыми ресницами. Подруги отрицательно покачали головой и молча приступили к еде. Курение – непозволительная роскошь, которой баловались только самые успешные люди планеты. Оно было запрещено во всех странах мира. Воспользоваться сигаретой можно было, лишь заплатив баснословный налог.

– Как дела на работе? – спросила Лика у Ангелины, на секунду оторвавшись от трапезы.

– Ужасно, – покачала та головой. – Позавчера к нам поступил новый респондент. Странный тип. Он вывел меня из равновесия, я совершенно потеряла над собой контроль.

– А как же таблетки? – подруга быстро подняли на нее глаза.

– Вы же знаете, я стараюсь их не пить... – протянула недовольно Ангелина и оглянулась.

Она не хотела, чтобы ее кто-нибудь услышал. По закону, она обязана принимать «Женофарм», этого требовал регламент «Эконтера». Но по сути своей Ангелина использовала их только в самых крайних случаях. Ей казалось, что от этих таблеток у нее плавится мозг. С одной стороны они давали приступы облегчения, особенно в нерегулярный предменструальный период, а с другой – девушка чувствовала искусственной куклой, не способной руководить собственными действиями и желаниями.

– Так что с этим мужчиной? – в один голос спросили подруги. В их глазах читался неподдельный интерес. Ложки с едой зависли в воздухе и застыли.

Ангелина закусила нижнюю губу и поняла, что сболтнула лишнего. Подруги явно томились и определенно ждали продолжения. Женщины были нетерпеливы, и когда речь заходила о чистокровных Иных, не могли умерить свои инстинкты. Им было интересно. Любопытно. Они страдали от отсутствия информации, мучились от невозможности хоть краешком пальца прикоснуться к мужчинам. За последние несколько лет никто из них так и не выиграл в эту дурацкую государственную лотерею и не получил возможность личной аудиенции с Иным. Подруги завидовали Ангелине, потому что она имела возможность общаться с мужчинами, пусть даже это была всего лишь ее работа.

– Ну, так что? – подпрыгнула Вита на своем месте. – Что там с этим мужчиком? Ты видела его? Трогала его?

– Может вы даже целовались? – взволнованно воскликнула Лика и прижала руки к сердцу. Ангелина недовольно скрестила густые правильной формы брови.

– О чем вы, – отмахнулась она, – Конечно, мы не целовались.

Ангелина скривилась, на секунду представив это. К горлу тут же подступила тошнота.

– Его поймали на границе, – продолжала она осторожно, – Он беглец. Несанкционированный беженец. И он зачем-то проник на территорию «Зоны-Н». Его засекли, когда он прятался в мусорном отсеке. Потом долго гнали вдоль лесополосы, он пытался там скрыться. Ну

а затем повезли под конвоем в камеру предварительного дознания. И даже оттуда он каким-то образом сбежал.

– Как оттуда можно сбежать? Я слышала, что это невозможно... – задумчиво пробормотала Вита, выдыхая плотный столб сигаретного дыма.

– Вот и я думаю. Как? Везде генетические коды, отпечатки пальцев, ДНК-распознаватели и еще куча каких-то защитных приспособлений. Как он вообще мог открыть дверь? Никто не понимает, – покачала головой девушка.

– А дальше то что? – взволнованно произнесли Лика, – Ты хоть понимаешь, что только что рассказала? Это же круче, чем сходить в кино!

– Ничего дальше, – вздохнула Ангелина, – Я пыталась его разговорить, мне нужно было сдать чертов отчет. Но этот тип даже и не подумал со мной общаться. Я стараюсь не думать о своем профессиональном провале.

Ангелина не стала добавлять, что уже голову себе сломала, осмысливая все возможности его передвижений по городу или «Зоне-Н». Как он вообще умудрился проникнуть в их мир.

– Его поймали только через неделю в лесах тайги, – продолжила она без энтузиазма, – Иному просто не повезло, сканер вычислил его по каплям крови, которые он оставлял на земле, пытаясь скрыться. Ну а дальше, вы знаете.

– Его били? Сейчас он в Эконтере? – заинтригованно прошептала Лика, расширив свои голубые глаза до размеров чайных блюдец. – Святые небеса, как это все волнительно!

– Да, – кивнула Ангелина, искренне соглашаясь с ней. – Я успела поволноваться.

– Кто его мать? – заинтересованно спросила Вита.

В ее голове тут же родились многочисленные приключенческие образы. Она жаждала интриги и продолжения.

– Я не знаю... – пробормотала Ангелина.

Вита попала в точку, ведь это был ее личный провал.

– Он не сказал, – добавила она обреченно, – Он вообще ничего не сказал, того... что могло бы пролить свет на его происхождение.

Ангелина напряженно вздохнула, ожидая дополнительных вопросов. Они не заставили себя ждать.

– Его пытали?

– Он избил кого-нибудь?

– Какое у него тело?

– Он похож на небожителя?

– С ним уже спал кто-нибудь?

Вопросы продолжали сыпаться.

– Как всегда... – пожала плечами Ангелина и устало протерла виски.

Воспоминания об Александре раздражали ее. Она думала о нем и днем и ночью, а теперь ей приходится перечислять подробности их знакомства своими подружками. И зачем только она завела эту тему?

– И что стало известно после пыток? – Вита как можно ближе придвинулась к Ангелине.

Девушка почувствовала ее сладкое сигаретное дыхание. Это был эксклюзивный табак с экстрактом ванильного дерева. Потрясающая сигарета ручной работы для самых искушенных.

– Ничего, – попыталась закрыть тему Ангелина, проклиная себя за то, что так неосторожно ляпнула им о своей работе.

– Он так ни в чем и не признался? – ахнула Лика.

Уж она-то знала, как умеют допытываться в «Эконтере». На курсе дознания Лика набрала восемьдесят четыре бала.

– Ни в чем... – протянула Ангелина и вытерла салфеткой рот.

С говяжьим супом было покончено. Девушка отметила про себя, что заказала его в первый и последний раз. Он того не стоил.

– Это первый человек его рода, не обладающий ни сертификацией, ни порядковым номером. Я две ночи не спала пытаюсь понять, откуда он взялся. Все в нем отличается от тех мужчин, которых мы знаем. От тех, что нам показывают, кого я вижу каждый день в этом их небесном раю. Они... другие. Точнее он – другой.

– Что значит другой? – нахмурилась Вита. – На кого он похож?

– На дикаря, – усмехнулась Ангелина. – Дикий, невоспитанный. Напрочь лишенный эстетики. Мужчина... как бы вам объяснить, – она задумалась на секунду, – Я чувствовала его запах... он смешался с его потом. И это был самый сладкий аромат, что мне приходилось чувствовать. И вы знаете, – Ангелина задумчиво прищурилась, – Он понял это...

– Что понял? – озадачено спросила Лика, теряя остатки терпения и буквально подпрыгивая на своем месте.

– Он понял, что я... я... – Ангелина замешкалась, не решаясь признаться в чем-то важном, даже себе.

– Ну что же?! Что?! – хором закричали подружки. На них сразу стали оборачиваться посетители «Плазы».

– Он понял, что я хочу его... – шепотом закончила девушка и улыбнувшись, прикрыла рот рукой. Будто выдала какую-то страшную тайну.

Подружки заинтриговано замолчали и с томлением посмотрели на Ангелину. В их глазах она прочитала восторг и возбуждение.

– И что теперь? – спросила Вита. – Ты попросишь у него встречи? Он ведь может дать тебе ее?

– О нет, – ухмыльнулась Ангелина. – Этот козел только и делал, что издевался надо мной. Для него я лишь игрушка, созданная, чтобы поднимать ему настроение. Вы не замечали, что сейчас женщины только и делают, что развлекают мужчин.

– Ты дура, – убежденно кивнула Вита. – У тебя есть возможность попросить у него аудиенцию и по закону, он может дать согласие. Вы проведете вместе ночь! Ему стоит только захотеть!

– Ну, без моего согласия, такое врятли возможно, – цинично ответила Ангелина, хотя совершенно не была уверена в своих словах.

– Ты мельтешишь у них перед глазами круглыми сутками! Каждый год участвуешь в этой лотерее и еще ни разу ни с кем не переспала! На кой черт я пробивала тебе дорогу в «Эконтер»? – искренне возмутилась Вита.

– Вообще, я думала, что ты хочешь, чтобы у меня была неплохая зарплата и перспективное будущее, – растерялась Ангелина.

– Да на черта мне твоя зарплата?! – возмутилась до глубины души Вита, – И кого волнует твое будущее, если оно облачено в монашескую рясу? Объясни мне, как и почему ты до сих пор не трахнулась с Иным?! Ну как такое возможно?

– Дело в том, что я не участвую в лотерее... – осторожно заметила Ангелина и все-таки взяла со стола одинокую сигарету.

Один раз можно и шикануть, тем более, что Вита скорее всего, оплатит их счет. Человеку ее должности не по карману не то, что закурить, даже в «Плазе» сидеть не по карману. Один обед здесь стоил как ее месячное жалованье.

В после зрения сразу возникла официантка и характерным жестом предложила оплатить запрещенное удовольствие. Ангелина едва заметно кивнула и поднесла к сигарете горящий кремь. Через минуту она почувствовала, как сочный ванильный дым проникает в ее легкие. Стало значительно легче. Отвечая на нескончаемые вопросы подруг, Ангелина вся вспотела.

– Ты сошла с ума?! – хором опешили девушки, едва до них дошел смысл сказанного.

Их лица вытянулись и стали похожи на две неспелые груши, с едва заметным желтоватым оттенком.

– Как это ты не участвуешь в лотерее? Все участвуют в лотерее! Все! – заорали они на весь ресторан. Посетители стали оглядываться на наш столик и неодобрительно качать головой.

– Все участвуют, а я нет, – буркнула Ангелина недовольно.

– Но почему?! – возмутились подруги. – Как ты вообще могла не говорить нам такую важную информацию!

– Потому что я вижу мужчин каждый день и ни один из них не вызывает во мне... интереса... – подытожила Ангелина. – К тому же, как вы знаете, я совершенно не предназначена для материнства.

– Ну ты и дура, – еще раз заметила Вита и откинулась на спинку своего кресла. – Ты просто невероятный человек, – добавила подруга, будучи полностью уверенной в том, что Ангелина свихнулась. Та не стала ее переубеждать.

Сентябрь 2234г. Офис компании «ЭКОНТЕР». Территория «Зоны-Н».

– Плутонову ко мне.

Тяжелый прокуренный голос светловолосой женщины лет шестидесяти раздробил глухую тишину просторного кабинета. В другом конце длинного коридора, за массивной железной дверью тут же раздался звук легкого щелчка. На рабочем столе молодой женщины что-то квакнуло. Ангелина вздрогнула и оторвала глаза от давно написанного отчета. На экране флеш-бука высветилось сообщение от секретаря начальницы: «Срочно прибыть в кабинет».

Ангелина тяжело вздохнула и заставила себя подняться из-за стола. Одежда на ней смялась, она почти не спала всю предыдущую ночь. С тех пор, как девушка познакомилась с Александром, ее жизнь в корне поменялась. Теперь этот гад продолжал являться к ней во сне. Она закрывала глаза и видела перед собой лишь его угловатое грубое лицо, щетину и шрам. Что с ней происходит, Ангелина доходчиво объяснить не могла. Иногда казалось, что она медленно, но верно сходит с ума.

– Сейчас буду, – бросила девушка в громкоговоритель и быстрым шагом направилась к выходу.

Возле длинного зеркала, Ангелина на секунду задержалась и поправила короткую стрижку. На лицо, хронический недосып и что-то еще. Зрачки сужены, пониженное давление и полное нежелание работать.

Ангелина отряхнула крошки от печенья с брюк и набрав в легкие побольше воздуха, вышла из кабинета. Через пару минут она уже была у начальницы.

С ней поздоровались кивком головы и предложили сесть в кресло, располагавшееся напротив. Ангелина согласно и не без удовольствия плюхнулась в мягкую голубую кожу. Вот она мечта идиота – спать в этом кресле всю жизнь. И не вставать с него ни при каких обстоятельствах. Заработать бы достаточно денег, чтобы поставить такое чудо кресло у себя дома. Это был бы ее любимый предмет мебели.

– Ангелина, – суровым тоном начала Мария Юльевна.

Высокомерный тон начальницы не предвещал ничего хорошего. На памяти Ангелины, с ней разговаривали так всего один раз – при поступлении. Она получила официальные документы, оформила медицинскую книжку, сдала кучу ненужных никому анализов и спустя год ожидания, ей все-таки позвонили. И голос у ее руководителя тогда был такой же, будто она заведуют не отделением, а как минимум, военно-оборонной базой на северо-востоке Конфедерации. Начальница была грузная и плотная, похожая на шоколадно-сливочный торт, покрытый толстым слоем безе. Немолодая женщина много потела и постоянно вытирала лоб ярким желтым платком известной дорогой марки. Она была очень богата и никогда не скрывала этого.

Уши ее были по старинке проколоты, хотя сегодняшняя мода этого не предусматривала. Мария Юльевна выглядела так, словно сошла с фотографии конца 20 века. Длинное льняное платье, свободно опоясывало ее грузную фигуру. На голове коротко стриженные черные волосы и накрученная на плойку челка. Полные ноги женщины как будто переливались в свете лампочек из за неудобных чулок в составе которых была лайкра. Стопы были обуты в квадратные сандалии с блестящими ремешками.

– Ты слышишь меня? – раздалось вновь.

Мария Юльевна подняла голову и внимательно посмотрела на Ангелину.

– Да, да, конечно, – кивнула девушка и состроила самое серьезное и деятельное выражение лица, на которое была способна.

– Я прочитала твой отчет о новом респонденте, – сухо заметило начальство.

– О ком это? – спросила Ангелина, хотя прекрасно понимала, кого она имеет в виду.

– Я думала, у тебя хватит совести не устраивать здесь цирк, – раздраженно кивнула Мария Юльевна и открыв знакомую Ангелине папку, принялась демонстративно что-то в ней изучать.

– Я понимаю, это не совсем то, что от меня требовалось, – промямлила Ангелина. – Но он необычный Иной. Он совершенно не шел на контакт.

– Я знаю, – кивнула начальница, – Более того, это единственный пойманный мужчина на моей памяти, который ни слова не сказал, даже... при воздействии на него определенных методов. Мы до сих пор не знаем о нем ничего.

– Но... может, со временем... – осторожно пробормотала Ангелина.

– Мы не имеем права держать его тут до бесконечности. Мы должны действовать в рамках законодательства. А оно говорит, что измываться над представителем этого прекрасно пола мы не имеем права.

– Но мы, часть государства... – растерялась Ангелина.

– Да, но есть закон, – холодно перебила ее Мария Юльевна и поднялась со своего места.

Она торопливыми и тяжелыми шагами приблизилась к девушке, так близко, что той пришлось задрать голову, чтобы видеть недовольное лицо своего руководителя.

– Что вы от меня хотите? – вырвалось у Ангелины. Поза была неудобная и крайне унижительная.

– Я хочу, чтобы ты вплотную занялась этим делом. Занялась, разобралась и закрыла его, наконец. У нас есть несколько месяцев, прежде чем эти чертовы активисты и защитники мужчин не затаскают нас по судам.

– Я не хочу заниматься его вопросом... – взмолилась Ангелина и закрыла глаза руками. – Он настоящее животное!

– Он обычный самец, ничего необыкновенного, – возразила начальница. – Я должна напомнить тебе, что за твое место идет настоящая борьба. И пока ты справляешься со своими обязанностями, я закрываю глаза на всех желающих, оказаться в твоем кресле. Но если ты провалишь это дело, то обещаю, со следующего месяца ты вылетишь отсюда. Безо всяких рекомендаций.

– О, нет... – вздохнула Ангелина осознав всю обреченность своего положения. – Что от меня требуется?

– Выяснить, откуда он. Имена, местоположение сообщников и так далее. Возможно, он соучастник оппозиции, этих придурков из мужского сообщества. Борцы, мать их, за справедливость. Наверняка, именно они помогли ему взломать нашу базу. Чего он хотел там найти? Там нечего искать, только сухие факты и архив. Что ему нужно? Вот главный вопрос.

Мария Юльевна задумалась и оторвала свой взгляд от Ангелины. Та сразу же выдохнула и откинулась на спинку стула.

– Я чувствую, здесь что-то кроется... – пробормотала начальница, – У меня чутье на такие дела. Я не просто так сижу здесь двадцать лет, – добавила она задумчиво, – Если мы не справимся силами нашего отдела, то его отдадут в следственный отдел прокурора по округу и тогда, это длинная цапля точно попытает его.

– Может, оставить его в покое? – с надеждой спросила Ангелина. Мария Юльевна тут же гневно уставилась на нее.

– Ты хочешь, чтобы все лавры и премии достались этим извергам? Хочешь, чтобы они пытали его, мучили и кололи ему всякую дрянь? Мы психологи, – гордо сказала она, – Мы выше этих методов. И мы в состоянии хорошо делать свою работу. У тебя, кстати, отличные показатели по гипнозу. Попробуй поработать в этом направлении.

Ангелина невольно скривилась. Черт возьми, теперь ей точно не отвертеться.

– Иди, – бросила начальница раздраженно, – Мне надо принять «Женофарм».

– Хорошо, – обреченно кивнула девушка и поднявшись с места, направилась к выходу. Возле двери, она на секунду обернулась и спросила:

– А что с ним будет, если мы ничего не узнаем? И никто не узнает?

– С ним будет то же самое, что случается со всеми остальными мужчинами нашего глупого мира.

Мария Юльевна замолчала на секунду, а затем добавила:

– Он станет хорошо-оплачиваемой проституткой и будет жить в раю. А теперь иди. Ты мешаешь мне работать.

– Подождите, а как же то, что он арестован? Разве его не отошлют на Северо-Двинские шахты? Или там... какая-нибудь тюрьма для экстремистов?

Начальница на секунду замерла, на ее лице промелькнула тень какого-то жалостливого снисхождения, а затем она медленно, видимо, чтобы до ее подчиненной успел долететь смысл сказанного, произнесла:

– Ангелина, может быть, я открою тебе страшную тайну, но ты должна знать, что вот уже много лет тюрем для мужчин не существует. Их закрывают по всему миру, потому что мужчины продолжают вырождаться и их мелкие пакости нашей империи не вредят. А вот тюрьма вполне может стать для них последним пристанищем. И согласись, если поставить на чашу весов все человечество, то мужчин вполне можно простить.

– Как простить? – опешила Ангелина. – Как закрываются? А как же их наказывать?!

– Да зачем? Зачем их наказывать?! – стукнула по столу Мария Юльевна. – Ты же видела, он стопроцентный самец. От такого Иного могут с радостью забеременеть многие сотни женщин. Он будет оплодотворять их без перерыва на обед. Мы обязаны сохранить его в Российской Конфедерации, пока контрабандистки не перепродали и не переправили его куда-нибудь за рубеж. Каждый новый мужчина – это достояние Конфедерации. Относись к этому с пониманием, и не будет никаких проблем.

Женщина с тяжелым вздохом откинулась на спинку великолепного кресла и жестом отправила девушку восвояси.

Ангелину сразу затошнило, и она быстро вышла из кабинета напрямиком на улицу. Остановившись возле главного входа, девушка жадно вдыхала свежий прохладный сентябрьский воздух. Ее сильно знобило. Стянутая грудь мечтала вырваться на волю, но тугой жгут не давал Ангелине свободно вздохнуть. Она прикрыла глаза и прислонилась к бетонному сооружению. Это был памятник первой женщине-президенту. Она давно умерла, а ее тело покоилось на государственном закрытом кладбище охраняемое десятками женщин в форме. Ангелина брезгливо отшатнулась от постамента и пошла в сторону городского парка. Только там она могла по-настоящему расслабиться и отдохнуть от собственных мыслей. Вчера ей звонила мама и напоминала, что она уже полтора месяца не приезжает к ней с визитом. Ангелина прекрасно знала, чем заканчиваются такие встречи. Девушка не хотела ехать к матери. История

их семьи была крайне неприятной для Ангелины темой. Единственная с кем ее мама находила общий язык, так это Лизавета. С первого дня знакомства, они будто были объединены одной общей идеей – рождение очередного отпрыска. Мама была уже в возрасте и не могла, да и не хотела рожать, а у Лизаветы был врожденный порок сердца и проблемы в структуре ДНК. Прежде чем забеременеть, ей нужно было сделать несколько серьезных дорогостоящих операций. Об этом, естественно никто даже не заговаривал. Да и зачем, если у них был другой, более доступный вариант. Ангелина. Которая, к несчастью, совершенно не хотела, чтобы ей подсеяли Лизины яйцеклетки и оплодотворяли с помощью системы ЭКО спермой какого-нибудь давно умершего мужика, которого она даже в глаза не видела. Можно было конечно прийти в аптечный центр и выбрать из имеющейся базы какой-нибудь особенно симпатичный вариант. К примеру, Иного – европейца с голубыми глазами и светлыми кудрями. Можно даже узнать его имя и что он предпочитал есть на завтрак. А так же, чем увлекался, какими болезнями страдал, или кем был по жизни – страдающим меланхоликом или агрессивным холериком. Семья таких мужчин стоило довольно дорого по шкале от самого простого варианта. Дешевую сперму можно было легко достать, если она принадлежала плохо обучаемому хулигану, который только и делал, что валялся на диванах, развлекался с женщинами и не прочитал ни одной электронной книги, в то время, как обязательным образом был обучен грамоте и письму. И на каждого из таких мужчин найдется своя отчаявшаяся покупательница, страстно жаждущая себе ребенка.

Ангелине была ненавистна эта система. Она презирала всю ее сущность и саму идею воспроизводства. Иногда, правда, она задумывалась о своих убеждениях и приходила в ужас от того, что испытывает такое нещадное отвращение ко всему, что происходит в ее мире. Все-таки она член общества, звено большой и длинной цепочки этого уничижительного прогресса. Она – часть огромного женского племени и обязана жить по его законам. Почему нет? Все в этом мире счастливы и спокойны. Все получают все, что они хотят. Единственной прорехой в этом адском раю, остается полное отсутствие Иных. Но разве в них счастье? Разве это счастье, обладать мужчиной? Разве это счастье, любить его и чувствовать взаимные чувства? Разве это счастье... воспитывать вместе детей?

Ангелину мучали эти вопросы. Иногда, бродя по улочкам своего красивого и ухоженного города, она оглядывалась на случайных горожанок, пытаясь заглянуть в их глаза и хоть на секунду допустить, что кто-то из них думает, так же как и она...

1 октября, Церковь Святой Марии, Центральная часовня. 7.23 по федеральному времени.

– Я призываю всех женщин пришедших сегодня в наш храм, протянуть руки к Господу, открыть душу свою и покаяться, покаяться ему в своих грехах! Наша вера разрушена, наш мир переполнен женщинами возжелавшими стать мужчинами! Наш мир несется к гибели людской. Скоро на планете не останется ни одного мужчины, закончатся запасы их семени и мы погибнем! Грядет Новая Эра земли, наш век ознаменован концом света! Покайтесь, сестры! Ибо это единственное, что осталось нам!

Церковь Святой Анны была переполнена прихожанками. Они толпились в уголках прихода, прикрывая носы и рты влажными салфетками. Стояла нестерпимая духота, от чего у каждой второй кружилась голова, и сбивалось дыхание. Под ажурным и облепленным фреской потолком работали охлаждающие фильтры, но даже они не справлялись с таким количеством народа. В церкви давно не было ремонта и кое-где, штукатурка и пластик просто отлетели. Эти разрушения были видны невооруженным глазом. Все знали, что государство не хотело финансировать и поддерживать церковь. Они со снисходительным удовлетворением ждали, пока вет-

хия здания сами собой разрушатся. Однако все-таки находились богатые меценатки, пожелавшие сделать серьезные пожертвования на развитие и пропаганду церковного слова и дела.

С тех пор, как два столетия назад, человечество добыло неопровержимые доказательства того, что мы во вселенной не одни, религии в разных уголках планеты рухнули в одночасье. Люди перестали верить в Бога. Люди перестали ходить в Церковь и вскоре православие, как и другие общеизвестные доселе верования, потеряли всю силу своего бытия.

Остались, правда те, кто до последнего хранил верность Церкви и не отказывался от креста Божьего. К сожалению, с развитием цивилизации, а так же с почти полным исчезновением мужчин на планете, даже их вера пошатнулась. Многие были убеждены, что катаклизмы на Земле – это кара Божья за грехи человечества. Люди смогли справиться с глобальным похолоданием и потеплением на планете. Строили дамбы, более прочные дома, покорили космос. Люди научились отбивать от земной атмосферы пролетающие мимо метеориты и даже приручили Солнце. Но этого оказалось недостаточно. В мире, фактически лишенном нормального воспроизводства, где царила торжествующая атмосфера женского господства, не может существовать Бога. Ибо именно он создал и мужчину, и женщину бок обок идущими рядом, по образу и подобию своему, и многие считали, что именно Бог уничтожил мужскую расу, не предоставив женщинам ничего взамен.

Женщины, уверовавшие в то, что люди были созданы с помощью божественного начала, никогда бы не признали, что люди – всего лишь база ДНК высшего разума, а Земля – планета-инкубатор, хранитель древнего исторического вида. В любом случае, природа не учла всех особенностей земного существования. Сетка ДНК мутировала и процесс нельзя было остановить. Эра людей на земле неутешительно приближалась к логическому концу. Спасти земную расу могло лишь чудо. Или надежда. Государства предлагало женщинам систему, прочное и стабильное существование. Правительство учило женское племя гармонии, спокойствию и смирению. В то же время, Церковь дарила людям надежду и веру в жизнь. Среди жительниц земли нашлись те, кто выбрал и ту, и другую версию развития событий. Хотя бы в этом вопросе демократия будущего – определялась не принудительным способом убеждения, а личным выбором человека.

По субботам главная часть Церкви была полностью забита людьми. Они приезжали из разных уголков страны, чтобы послушать очередную проповедь настоятельницы Настасьи. Неизменно, женщина была облачена в голубую рясу, почти полностью покрывавшую ее тело и даже голову. Волосы ее, скрытые под тяжелой небесной тканью были так же коротко острижены. Брови и ресницы выбелены, их практически не было видно. Она обладала черными блестящими глазами, в которых отчетливо проглядывала страсть к делу, которым женщина занималась. Как только настоятельница поднимала свою тонкую и худую руку, все словно по команде замолкали, не решаясь нарушить благословенную церковную тишину. Многие, без перерыва крестились и что-то шептали в полголоса.

Ангелину притащила сюда Лиза, в надежде, что та исповедуется и покается перед Богом. Лизавета считала, что Ангелина нарушает закон Божий, отказываясь от материнства и работая в такой грешной лишенной всяческой веры компании, как «Эконтер». При этом ее совершенно не беспокоило, что из них двоих работающей единицей была все-таки Ангелина и даже если гипотетически представить скорую гибель всего человечества, то по крайней мере до нее нужно еще дожить. А существовать без честно заработанных денег крайне непросто, даже в таком идеальном женском мире.

– Сестры мои! – продолжала скандировать Настасья, стоя на широкой приставной сцене из грубого белого пластика.

Пол трещал и едва не проваливался под ней. Некоторые женщины даже встали поближе, чтобы быть рядом, если настоятельница все-таки рухнет в пологое пространство неустойчивого сооружения.

– Сегодня Великий День избавления! Я хочу, чтобы все мы взяли за руки и помолились Господу за тех наших сестер, кто еще не способен отличить тьму от света. Я верую в Господа нашего и верю, что мы не просто звери или неудачный эксперимент тех, кто считает нас своими детьми. Бог – единый отец наш! Вселенная безгранична и неосвязаема! Вы всегда должны помнить, что путь к гибели нашей – не случаен. Давайте вместе спасем наши души! Спасем весь мир! Чем больше нас будет, тем сильнее и мощнее будет наша надежда! Надежда на новый, полный двуполох союзов и браков, мир! Детей, рожденных в полноценных семьях!

– Можно подумать, мужчины просто жаждали воспитывать детей и скреплять себя браком, – негромко усмехнулась Ангелина, обращаясь к Лизиному уху, – Твоя монахиня еще одна поклонница этих сказок. Если бы она жила пару столетий назад, то знала бы о том, что в конце двадцать второго века такое понятие, как брак вообще перестало существовать. А все почему?

Лиза недовольно взглянула на нее. Ангелина посчитала это молчаливым одобрением и шепотом продолжила:

– Потому что эти чертовы мужчины сами не хотели этого. Когда женщин стало вдвое больше, эти с позволения сказать люди, попросту отказались от возможности связывать свою судьбу с одной и той же дамой. Это ли не цинизм? Понимать, что у тебя предостаточно выбора и поэтому ты можешь владеть сразу несколькими, невзирая на их протесты и не обращая внимания на то, что браки – это основа государственной системы. Брак – это порядок и законная норма, право женщины на защиту и прочный социальный статус.

– Ты зануда, – шепотом констатировала Лиза.

Ангелина ласково ей улыбнулась и незаметно для остальных, погладила по голове. Сегодня Лизавета нацепила на себя блестящий серебряный платок и была похожа на путеводную звезду, случайно упавшую с небес. Ангелина нравилось, как Лиза выглядела, единственное, что ей не нравилось, так это ее неустойчивая психика, предсказуемость и безвольность.

– Это ты слишком наивна. Мужчинам нравится властвовать, заниматься сексом со всеми подряд и развлекаться. Это их единственное предназначение.

– Побойся Бога, ты же в церкви! – закатила Лиза глаза. – Нас могут выгнать отсюда.

– Это будет истинным избавлением... – расслабленно кивнула Ангелина, – По крайней мере, это честнее, чем заводить гаремы из десятков женщин.

– О чем ты, это было очень давно!

– Но было же! Вспомни 2170 год. Целые общины, состоящие из одного такого феодала и кучи его наложниц, – Ангелина устало протерла виски, – Да пойми ты, нет для них такого понятия, как верность. Это бракованный вид. Люди с дефектами. Иной пол. *Иной*, – подчеркнуто добавила девушка и со скучающим видом уставилась на божественную процессию.

Монахиня тем временем, продолжала взывать к голосу разума и веры всех присутствующих. Женщины стали что-то выкрикивать ей, высказывая свое одобрение и поддержку.

– Государство лишает мужчин возможности выбирать! Их содержат, как зверей в клетках, воспитывают с полным осознанием того, что так и должно быть! Они не преподают им историю мужского сообщества, мировую историю человечества! Они называют этих несчастных *Иным полом*, вбивают им в головы, что они третий сорт, созданный лишь для женского блага! Их продают, по цене бриллиантового месторождения! Их не считают за людей! А ведь они тоже люди!

– О, – шепотом протянула Ангелина, – А вот это уже работа оппозиции. Попахивает внутренней пропагандой.

– Да замолчи ты, – обиделась Лиза, – Если ты не верующий человек, имей уважение к другим.

Девушки стояли в самом углу, зажатые тремя массивными прихожанками в длинных синих костюмах, и на них совершенно не попадал холодный спасительный воздух.

– Ты вообще в курсе, что за это могут посадить? – зашипела на подружку Ангелина.

Она прекрасно знала законы Российской Федерации. Вера – это одно, а пропаганда освобождения от женского гнета всех мужчин планеты – совсем другое. Любая провокация, призывающая к беспорядкам и несанкционированным демонстрациям с требованиями – прямая дорога в «Зону-М». Там быстро объясняли, что есть женщина, кто есть мужчина и как им вместе дальше жить.

– Она ничего такого не сказала! – противилась Лиза упрямо.

– Да, но рискни объяснить это представителям «Эконтера», например. Ищейки из прокурорского отдела наверняка стоят здесь где-нибудь в толпе.

– Представителям «Эконтера», такому, как тебе? – сузила Лиза свои красивые глаза, до размера маленьких щелочек.

– Мне ничего объяснять не надо... Я ни во что не верю, – пожала Ангелина плечами. – Ни в Бога, ни в «Эконтер», ни в государство, ни в вечную жизнь.

Лизавета с маской немого ужаса на лице, лишь покачала головой.

– Тебе срочно нужно исповедоваться, – убежденно заявила она. – Ты будишь гореть в аду.

– Если он есть, то конечно, – кивнула Ангелина и скептически улыбнулась, – С тех пор, как нас посетили инопланетяшки, я перестала верить даже в Будду.

Ангелина исподлобья взглянула на подружку. Судя по скрещенным на плоской груди рукам и воинственной насупленности, Лизавета ее иронии не оценила.

«Мама всегда говорила, что у меня нет чувства юмора» – подумала Ангелина и тяжело вздохнув, приготовилась слушать очередную порцию божественных нравоучений.

Едва девушки оказались дома, Лизавета закрылась в спальне и пол вечера демонстративно не разговаривала с подругой. Вот эту ее черту Ангелина ненавидела больше всего. Находясь в обиженном настроении, та будто отключалась от реальности и пребывала в состоянии полнейшего аутизма. Подходить к ней или просить у нее прощения было бессмысленно. Пока Лизу само собой не отпускало, девушка из своей депрессии не выходила. Ей не помогали ни шоколад, ни цветы, ни сотни сказанных комплиментов. Ангелина в такие моменты мучилась и томилась. Ей до чертиков надоедали Лизины причуды, но отказаться от совместного проживания Ангелина не могла. Примерно раз в год ее посещала эта страдальческая мысль, она теплила и разогревала ее в своей душе, как грушевый пудинг с приторной сладостью надежды на лучшее. Эта мысль насыщала и наполняла ее радостью, сотней тысяч эндорфинов в минуту. Что может быть приятней, проснуться однажды в гордом одиночестве и понять, что сегодня у тебя на завтрак не яйца пашот, а любимая кукурузная каша с соевым молоком. И совсем не обязательно вставать в семь утра, как по будильнику и бежать в ванную комнату, чтобы Лиза ее не заняла на несколько часов подряд. Что вообще можно делать в ванной три часа? Одиночество так прекрасно, никто на тебя не обижается, а главное какая экономия!

Несколько раз в год они летали на лунную орбиту в дешевые отели эконом класса, гуляли по лунным паркам и нежились в грязевых «СПА» лунного грунта. Но даже это более чем скромное путешествие, в отличие от VIP-курортной зоны Венеры, например, изрядно уничтожало Ангелинины запасы. Лизина позиция была непреклонна: она не собиралась работать. Ее предназначением был дом и материнство, которое она так же собиралась осуществить за счет чужой матки.

«Да я мужик, черт возьми. Мужик детородного возраста» – как-то подумала Ангелина и даже в зеркало себя рассмотрела. Внимательно и долго, будто хотела обнаружить в себе нечто новое. Может быть, щетину или увеличенный в размерах кадык. В современном веке от генетики можно было ожидать чего угодно. В экологических журналах часто писали о теории перерождения женщин в мужчин. Якобы самки древних животных при демографическом кризисе

и отсутствии поблизости здоровых самцов, способны были мутировать, и приобретать физические возможности к воспроизводству. Мол, природа, сама знает, что делать в таких случаях. Ангелину всегда мучил вопрос, способны ли женщины этого мира мутировать, к примеру, в динозавров? Следующая по популярности мысль приходилась на их с Лизой взаимоотношения. Как она относится к подруге? Что чувствует к ней? И почему она вообще должна жить с Лизаветой? С тех пор, как в поле зрения попал Александр, Ангелина потеряла покой и сон. Она стала испытывать странное влечение к этому человеку, хотя видела его всего один раз. Девушка и прежде имела возможность общаться с Иными. Это была ее работа – дознавать, вести задушевные беседы с жителями райской зоны, успокаивать их нервы, вести документацию и сочинять километровые отчеты с максимальными подробностями. Но ни один из мужчин не вызывал в ней такое жгучее желание, не пробуждал в ее сердце громких сигналов и неведомых прежде чувств.

Однажды в интернете она накопила старинные сочинения какого-то в прошлом популярного поэта, славившегося своими любовными похождениями и откровенной прозой. Ангелина долго вчитывалась в строчки перевода его произведений и не могла уловить... о чем он вообще, черт его подери, пишет? Любовь, страсть, нежность, измены, страдания. Главной героиней всего этого бреда является женщина. В каждой строчке, в каждой стихотворной строке, в каждом слове – сквозила мужская любовь к женскому полу.

– Интересно, – подумала Ангелина, – Что бы он написал, если бы оказался лицом к лицу с нашей современной бабской реальностью? Что бы вдохновляло его?

Приступы прозрения и странных мыслей начались у Ангелины через неделю после того, как она окончательно отказалась от таблеток «Женофарм». В первый день у нее кружилась голова, на пятый что-то начало проясняться и она совершенно по-другому взглянула на окружающую ее действительность. Кажется, она стала понимать, как тут все устроено. Этот мир походил на сахарную вату – воздушный и сладкий, способный растаять и исчезнуть в любую секунду. Мужчина был той необходимой щепоткой соли, создающей нужный вкусовой баланс сладкого и соленого. Инь и Янь. На всей земле. И почему в этом рецепте ничего не было написано про Лизу?

**10 октября 2234г. Отделение предварительного заключения «Зоны-Н».
13.45 минут по федеральному времени.**

Железные магнитные двери с грохотом открылись, и Ангелина оказалась перед знакомым датчиком движения. Она быстро махнула рукой и подняла голову в сторону камер видео регистратора. Услышав характерный одобряющий гудок, девушка сделала несколько шагов вперед. Еще одна круглая дверь неслышно отворилась, и Ангелина вошла в ярко-освещенный коридор. Голубой свет струился из сотен лампочек и слепил глаза. Ангелина невольно зажмурилась. Ультрафиолетовая дезинфекция автоматически уничтожала любые бактерии. Через этот коридор пойманных респондентов провожали в частные палаты предварительного заключения. В каждой такой комнате имелась собственная ванная с полностью прозрачной душевой, свежие белые полотенца и небольшой коврик на бежевом кафельном полу. Руководство тюрьмы считало, что светлые оттенки способны успокаивать нервную систему пойманных заключенных, а домашняя обстановка поможет им чувствовать себя комфортно и почти свободно. Ровно настолько, насколько позволяло пуленепробиваемое стекло, защищающее Иных от несанкционированного побега.

В палате также располагалась небольшая односпальная кровать с большой синтетической удобной подушкой. Длинное покрывало, встроенный в стену плазменный телевизор последней модели и прикроватный столик на котором по вполне гостиничной традиции стоял небьющийся графин со свежей горной водой и ваза с фруктами. Завтрак обычно приносили прямо

в комнату. В основном, он состоял из свежеприготовленной белково-липидной пищи – жареные яйца, бутерброды с грибами и плоская злаковой каши без сахара. Так же мужчина мог на выбор заказать пончики или оладьи, приготовленные в местном кухонном блоке. Кефир, соевое молоко и соки подавались без ограничения. Полдник, обед и ужин проходила в том же месте. Мужчинам запрещалось курить и буянить. Раз в два дня заключенному приводили обколотую «Женофармом» массажистку и та делала ему точечный массаж спины и стоп. Если *Иной* высказывал пожелание, в программу добавляли процедуры для головы и шейной зоны. В случае, если мужчина был перевозбужден, то мог запросить к себе в комнату любую понравившуюся ему женщину. Это могли быть сотрудницы тюрьмы или мужчинам предлагался каталог из возможных претенденток. Обычно документ был растянут на тысячу электронных страниц флеш-бука.

Ангелина не часто посещала эту часть небесной канцелярии, которая скорее походила на швейцарскую тюрьму времен конца двадцатого века. Все-таки у девушки был собственный кабинет, и ей не было необходимости тащиться в такую даль, лететь на автолете целых два часа, чтобы в итоге оказаться на *их* территории. Из курсов психологии, она прекрасно знала, что любые беседы с мужчинами, лучшим образом проходят, если ты предлагаешь им свои условия. Иным не нужно чувствовать себя вольготно или расслабленно, они сразу понимают, кто здесь хозяйка и стараются быстрее закончить ненужный обоим разговор. Во всех диалогах с мужчинами так или иначе обсуждались одни и те же вопросы, от которых Ангелину бросало в сон. У нее была огромная база самых глобальных проблем, волнующих Иных проживающих в Конфедерации:

«Мне скучно».

«Мне нечем заняться».

«Я не хочу заниматься сексом. Меня ничего не возбуждает. Я устал от женщин».

«Я влюбился в своего контролера. То есть, нет. Это было на прошлой неделе. Сейчас я влюблен в своего преподавателя по латыни».

«Почему меня не опускают в путешествие на Марсианские впадины? В прошлом месяце, Антонио с порядковым номером МСК54 был там целых два раза. Меня ущемляют?».

«Вы считаете меня красивым? Расскажите, почему я так не считаю?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.